Аксельрод

БОРЬБА

СОЦ. И БУРЖ. ТЕНД.

в Русском

РЕВ. ДВИЖЕН.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Изданіе

Заграничной Лиги.

П. Б. Аксельрода

Женева.

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière. 27. Genève.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти моей жены,

НАДЕЖДЫ ИСАКОВНЫ АКСЕЛЬРОДЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вмѣстѣ съ ликвидаціей царскаго самодержавія русская революція подводитъ итогъ и подготовляетъ окончательную ликвидацію исконной исторической тяжбы между соціализмомъ и буржуазнымъ демократизмомъ въ русскомъ революціонномъ движеніи. Своей первостепенной ролью въ этомъ движеніи вызванномъ къ жизни потребностями развивающагося въ тискахъ сословно-абсолютистскаго строя капиталистическаго общества, соціалистическія ученія, идеалы и лозунги обязаны не „доктринерской" прихоти революціонеровъ и не слѣпому пристрастію ихъ къ подражанію западнымъ образцамъ, какъ думаютъ или думали нѣкоторые либеральные эксъ-соціалисты, а объективнымъ, историческимъ условіямъ возникновенія и развитія на русской почвѣ революціонной борьбы противъ крѣпостническаго государства. Но какъ ни глубоки объективные историческіе корни соціалистическаго элемента въ нашемъ освободительномъ движеніи, этимъ все таки не устраняется тотъ фактъ, что съ соціализмомъ въ это движеніе внесено было внутреннее, и при томъ принципіальное противорѣчіе, наложившее особую печать на все его развитіе. Передъ революціонерами стояли двѣ исторически разнородныя, принципіально какъ ы исключающія другъ друга, и, — въ тоже время

не разрѣшимыя одна безъ другой задачи: исторія ставила передъ нами задачу подготовленія силъ для буржуазной революціи, но также исторія стихійно толкала ихъ на борьбу противъ юнаго, порабощеннаго еще у насъ буржуазнаго общества и властно требовало отъ нихъ вступленія на путь подготовленія и организаціи силъ для революціи соціалистической — *въ интересахъ революціи буржуазной.* Выполненіе революціонно-соціалистической задачи являлось исторически необходимымъ условіемъ для рѣшенія принципіально противоположной ей задачи. И само собою разумѣется, что объективно, въ сознаніи революціонеровъ, средство это должно было имѣть значеніе самодавлѣющей цѣли. Въ противномъ случаѣ, соціализмъ не могъ бы явиться идейнымъ источникомъ того воодушевленія, самоотверженія и героизма, безъ которыхъ немыслима у насъ революціонная борьба. Но общественныя отношенія, и прежде всего, политическій строй и культурный уровень населенія Россіи съ своей стороны, стихійно благопріятствовали противоположной тенденціи, тенденціи превратить дѣло подготовки буржуазной революціи въ самодавлѣющую цѣль, а соціализмъ низвести до роли простого орудія и внѣшней, казовой оболочки для достиженія этой цѣли. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, историческая почва, породившая и питавшая тотъ антагонизмъ между субъективными и объективными тенденціями и задачами нашего революціоннаго движенія, который проходитъ красной нитью черезъ всѣ фазы, его развитія, начиная съ шестидесятыхъ годовъ и кончая переживаемымъ нами моментомъ.

Развитіе и проявленіе этого антагонизма — такова тема, внутренне объединяющая или соединяющая, предлагаемыхъ въ этомъ сборникѣ статей. Онѣ написаны были по разнымъ поводамъ въ разные моменты, отдѣленные другъ отъ друга бо-

лѣе или менѣе значительными промежутками времени, и уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отпечатаны послѣ того, какъ онѣ чуть не полтора года лежали въ наборѣ, готовые къ выпуску въ свѣтъ *). Я медлилъ ихъ выпускомъ, считая нужнымъ снабдить ихъ большимъ предисловіемъ или дополнить сборникъ еще статьей, въ которой я намѣревался болѣе систематически и хронологически прослѣдить главныя фазы въ развитіи указаннаго противорѣчія въ нашемъ революціонномъ движеніи и попытаться подвести итогъ конкурренціи между его исторически разнородными элементами и тенденціями. Но, въ силу разныхъ обстоятельствъ, мнѣ не удалось до сихъ поръ исполнить свое намѣреніе, а теперь я спѣшу на родину и эти строки я пишу на пароходѣ, везущемъ меня туда. Въ надеждѣ, что мнѣ скоро удастся представить тотъ очеркъ нашего движенія, который долженъ былъ служить предисловіемъ къ настоящему сборнику, я ограничусь здѣсь лишь парой бѣглыхъ замѣчаній.

На идейной почвѣ народничества, или точнѣе бакунизма, между исторической задачей разрушенія сословно-абсолютистскаго строя и социализмомъ лежала непреходимая теоретическая пропасть; антагонизмъ между дѣломъ подготовленія буржуазной революціи и соціалистической былъ теоретчески абсолютно непримиримый. Соціальдемократія, исходя изъ ученія Маркса и Энгельса, устранила этотъ антагонизмъ. Но въ ея собственной средѣ антагонизмъ, между реальными запросами переживаемаго Россіей историческаго періода и спеціально соціалистическими стремленіями, возродился на новой почвѣ, подъ другой оболочкой. На идейной почвѣ Марксизма соціалистическій характеръ и соціалистическія тенденціи революціоннаго дви-

---

[1]) **Одна изъ нихъ, именно послѣдняя, появилась уже въ печати на страницахъ „Искры“ зимою 1904 г.**

женія обезпечивались активнымъ стремленіемъ и систематическими усиліями направленными на развитіе классоваго сознанія и политической самостоятельности пролетаріата, т. е. на развитіе въ немъ сознанія „враждебной противоположности“ его классовыхъ интересовъ—интересамъ всей совокупности буржуазныхъ классовъ и на организацію рабочихъ массъ въ самостоятельную политическую партію, принципіально противоположную политическимъ организаціямъ и идеологамъ этихъ классовъ. Но какъ примирить и сочетать эту задачу съ полярно противоположной ей *стихійной* тенденціей режима всенароднаго политическаго порабощенія политически сближать и объединять буржуазію и пролетаріатъ, и съ *необходимостью* такого сближенія, въ интересахъ борьбы противъ этого режима?

Марксизмъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ, рѣшаемый соотвѣтствующей тактикой. И только при помощи тактики, построенной на органическомъ сочетаніи указанной чисто пролетарской задачи съ общедемократическими запросами и задачами современнаго освободительнаго движенія Россіи, партія наша могла бы вполнѣ удовлетворительно выполнить свою историческую миссію. Но, съ другой стороны, тотъ же старый режимъ и вся совокупность историческаго наслѣдія, оставленнаго „дореформенной“ эпохой въ чрезвычайной степени затрудняли процессъ усвоенія и проведенія въ жизнь такой тактики. И низкій культурный уровень рабочихъ массъ, и спутанность элементовъ сословнаго и классоваго антагонизма, и политическая пассивность экономисески и соціально господствующихъ классовъ до недавняго времени — все это, кромѣ полицейскаго произвола, мѣшало руской соціальдемократіи выработать и примѣнить полититескую практику, которая удовлетво-

ряла бы въ одно и то же время дѣлу подготовленія буржуазной революціи и дѣлу подготовленія пролетаріата къ революціи соціалистической. Формально и внѣшнимъ образомъ, она, съ доктринерской односторонностью, преслѣдовала задачу огражденія политической самостоятельности пролетаріата, — на счетъ и во вредъ властному требованію момента подготовить и организовать политическую коалицію буржуазной демократіи съ соціалистической для взаимной поддержки въ оборонительной и наступательной борьбѣ противъ стараго порядка. И именно поэтому она оказывается теперь далеко не на высотѣ задачъ переживаемаго нами момента — какъ принципіально пролетарскихъ, такъ и общедемократическихъ.

Наши внутрипартійныя разногласія и раздоры имѣютъ своимъ источникомъ громадное несоотвѣтствіе между историческими обязанностями русской соціальдемократіи и примитивностью, и односторонностью методовъ и средствъ съ которыми она пыталась и отчасти еще пытается выполнить эти обязанности. Методы эти и средства, какъ продуктъ отжившей эпохи, такъ же отходятъ въ вѣчность, какъ и общественно-политическій строй Россіи въ эту эпоху. И весьма характерно, что въ нашей партіи еще такъ много элементовъ съ такимъ же отчаяніемъ отстаивающихъ существованіе переживших себя методовъ и пріемовъ революціонной борьбы, съ какимъ представители стараго порядка борются за сохраненіе стараго порядка.

П. Аксельродъ.

Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи:

I. Зарожденіе у насъ буржуазной демократіи, какъ самостоятельной революціонной силы.

II. Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму.

III. Объединеніе Россійской соціаль-демократіи и ея задачи.

Зарожденіе у насъ буржуазной демократіи, какъ самостоятельной революціонной силы *)

I

Съ точки зрѣнія соціальдемократической, исторически многознаменательнымъ является уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что первый стихійный взрывъ общенароднаго раздраженія противъ царско-полицейскаго самовластія разразился у насъ на почвѣ чисто студенческихъ интересовъ и требованій, что

*) Статья эта, написанная весной 1902 г., представляетъ собою отрывокъ изъ работы, задуманной мною лѣтомъ 1901 г., подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ того рѣзкаго поворота въ сторону буржуазнаго революціонаризма, который обнаружился въ лагерѣ русскихъ соціальдемократовъ подъ вліяніемъ внезапно поднявшейся тогда революціонной волны. Въ этой работѣ я намѣревался прослѣдить конкретныя проявленія и главныя фазы той борьбы между соціалистическими и буржуазными тенденціями, которыя наложили такую рѣзкую печать на наше революціонное движеніе, начиная съ эпохи народничества. Я собирался остановиться въ ней спеціально на общедемократической миссіи марксизма въ абсолютистской Россіи и посвятить особую главу детальному и болѣе конкретному выясненію той политической тактики, которая диктовалась нашей партіи историческимъ положеніемъ нашего пролетаріата и историческими рамками русскаго революціоннаго движенія. Часть черновика и матеріала относившагося къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ, обработана была мною для предисловія къ новому изданію брошюры Мартова „Красное знамя", помѣщеннаго въ настоящей брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму". — Статья эта написанная лѣтомъ 1903 г., какъ предисловіе къ проектировавшемуся второму изданію брошюры „Красное знамя", и лежащая въ наборѣ уже съ осени того же года не появилась до сихъ поръ въ печати потому, что Ц. К. переиздалъ брошюру въ Россіи и новое изданіе ея заграницей оказалось излишнимъ.

студенческія волненія не только послужили *поводомъ* для событія, которому не безъ основанія присвоено названіе „пролога русской революціи", но и сами непосредственно стали этимъ событіемъ. „Маленькое дѣло кучки молодежи разрослось въ огромное теперь движеніе, въ которомъ оказались заинтересованными всѣ русскіе граждане, отъ крестьянина и рабочаго до писателя, адвоката, врача и офицера включительно" *). Въ теченіе второй половины 90-хъ г. г. у насъ происходили крупныя, даже грандіозныя волненія рабочихъ; но ни одно изъ нихъ не разрослось въ движеніе, въ которомъ почувствовали бы себя „заинтересованными всѣ граждане", и ни одно изъ нихъ не приняло характера общенароднаго протеста противъ царско-полицейскаго режима. А „маленькое дѣло кучки молодежи" разрослось въ движеніе, которому придаютъ значеніе пролога русской революціи.

Это произошло отъ того, что различнѣйшіе классы населенія, „всѣ граждане" увидѣли себя заинтересованными „въ борьбѣ студенчества съ правительствомъ". Было ли это плодомъ недоразумѣнія, невѣжества обывателей вообще, и темноты народныхъ массъ въ частности, или же, наоборотъ, активное сочувстіе этихъ массъ дѣлу учащейся молодежи соотвѣтствовало дѣйствительному совпаденію въ данномъ случаѣ частныхъ интересовъ этой молодежи съ интересами общенародными? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ, и именно положительный. Борясь за отмѣну „временныхъ правилъ" и протестуя противъ попиранія правительствомъ человѣческаго достоинства и элементарныхъ человѣческихъ правъ академической молодежи, послѣдняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, или тѣмъ самымъ боролась и за права всего народа противъ полицейско-чиновничьяго и царскаго всевластія. Народныя массы поняли или почувствовали это и проявили свое чувство солидарности съ борющейся молодежью — въ этомъ

*) Проклам. „С. П. С. Борьбы за Освобожденіе Раб. Класса".

именно фактѣ заключается великое историческое значеніе событій, центромъ и почвой для которыхъ служило студенческое движеніе.

Но развѣ стачечное движеніе петербургскихъ и московскихъ рабочихъ 1896-7 г. г. менѣе совпадало съ общенародными интересами, чѣмъ студенческое? Я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обращалъ вниманіе товарищей на тотъ фактъ что въ современной Россіи рабочіе, даже въ сферѣ своей „чисто экономической борьбы“, являются въ сущности носителями общенаціональныхъ интересовъ экономическаго, политическаго и культурнаго развитія всего населенія имперіи. Представители трэдъюніонистскаго теченія въ нашемъ движеніи и безсознательно поддерживающіе его поклонники „стихійнаго элемента развитія“ никогда этого не понимали, и потому не способны были использовать борьбу нашихъ рабочихъ массъ съ предпринимателями въ интересахъ политическаго развитія и возвышенія нашего пролетаріата. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь же напомню только, что вѣдь каждая крупная — да не только крупная, а и мелкая—стачка сопровождалась и сопровождается у насъ дикими насиліями надъ рабочими со стороны правительства и несравненно еще болѣе звѣрскимъ глумленіемъ его агентовъ надъ ихъ личностью и человѣческимъ до-

---

*) Здѣсь имѣется въ виду предполагавшаяся въ дальнѣйшемъ изложеніи критика господствовавшей тогда у насъ партійной практики и глава, которая спеціально должна была быть посвящена вопросу о построеніи нашей тактики на болѣе широкомъ и прочномъ фундаментѣ. Въ этой главѣ я хотѣлъ показать, почему и какимъ образомъ элементарныя столкновенія рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями могутъ и должны быть использованы не только для простой агитаціи среди рабочихъ массъ, но какъ исходные пункты и базисъ для политическаго возвышенія пролетаріата, для мобилизаціи его на историческую арену, какъ самостоятельной политической силы, проникнутой гордымъ сознаніемъ своей великой исторической миссіи борца за общенародные интересы, увлекающей за собою всѣ другіе угнетенные и свободолюбивые слои населенія на борьбу съ абсолютизмомъ и требующей отъ нихъ, во имя и въ интересахъ этой борьбы, серьезной поддержки освободительнымъ усиліямъ революціоннаго пролетаріата,

стоинствомъ, чѣмъ эти агенты позволяютъ себѣ обыкновенно по отношенію къ студенчеству.

Въ грандіозной стачкѣ петербургскихъ ткачей (лѣтомъ 1896 года) десяткамъ тысячъ рабочихъ, сконцентрированнымъ въ столицѣ, пришлось, съ необычайными усиліями и съ рѣдкимъ упорствомъ, энергіей и огромными жертвами, отстаивать свое человѣческое достоинство и свое „естественное право человѣка и гражданина", коллективно бороться противъ эксплуатаціи и угнетенія; — другими словами, ихъ борьба за свои частные, „непосредственно ощущаемые и сознаваемые ими интересы", по существу, ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ борьба за права академической молодежи, обнимала интересы общенародные. Однако, за исключеніемъ малочисленнаго круга лицъ изъ интеллигенціи (да развѣ еще правителства), не только „всѣ граждане", но, что особенно важно, и сами стачечники не сознавали и не чувствовали этого. Въ маѣ 1901 года между рабочими Обуховскаго казеннаго завода и военно - полицейскими силами происходило настоящее сраженіе*) — и опять таки рабочая масса, героически боровшаяся за свои права, за которыми скрываются права всего народа, осталась изолированной, не увлекла за собою постороннихъ элементовъ, очевидно потому, что далеко, далеко не всѣ русскіе граждане почувствовали себя „заинтересованными" въ *большомъ дѣлѣ* этой героической массы, да и тѣ, которые почувствовали, не видѣли надобности, не захотѣли или не могли помочь ей въ томъ, чтобы оно „разрослось въ огромное движеніе", и пріобрѣло хотя бы только въ нѣкоторой степени значеніе, аналогичное „маленькому дѣлу кучки молодежи".

На что указываетъ это огромная разница, эта совершенная несоизмѣримость между силой непосредственнаго впечатлѣнія и общественнымъ значеніемъ крупнѣйшихъ фактовъ нашего рабочаго движенія съ одной стороны, и тѣмъ впечатлѣніемъ, которые про-

---

*) **Объ этомъ событіи см. брошюру „Обуховская оборона", изданіе Заграничной Лиги Русской Рев.-Соціальдемократіи.**

изведо и въ Россіи, и заграницей прошлогоднее студенческое движеніе, съ другой? Другими словами: Каковъ соціально-политическій или историческій смыслъ той роли, которую это послѣднее сыграло?

* * *

Молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, въ *массѣ* своей, есть кость отъ кости и плоть отъ плоти буржуазныхъ классовъ вообще, и ихъ образованныхъ слоевъ въ частности. По своимъ соціальнымъ интересамъ, потребностямъ и стремленіямъ она — отпрыскъ или вѣтвь либерально-демократической буржуазіи, которая, съ своей стороны, *непосредственно* гораздо болѣе заинтересована въ положеніи и судьбѣ студенчества, чѣмъ огромное большинство остального населенія. Слѣдовательно, реальнымъ базисомъ, центромъ и содержаніемъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь, явились, въ окончательномъ счетѣ, непосредственные интересы, потребности и требованія образованной буржуазіи. И въ лицѣ академической молодежи, въ первой массовой, общенародной стычкѣ съ абсолютизмомъ центральной, воодушевляющей и руководящей силой, словомъ, авангардомъ движенія явилась сама буржуазная демократія.

Но тутъ меня, пожалуй, перебиваетъ какой-нибудь черезчуръ „проницательный“, или выражаясь болѣе откровенно, просто черезчуръ поверхностный читатель, со словами: „Чѣмъ же это плохо? Вѣдь эти интересы и требованія буржуазіи оказались въ данномъ случаѣ революціонными и борьба изъ-за нихъ совпадала и совпадаетъ съ общенародными интересами. И развѣ соціальдемократами давнымъ давно не признано, какъ общеобязательное правило, что они должны поддерживать буржуазію, по скольку она революціонна, и активно участвовать во всякомъ революціонномъ движеніи, хотя бы и буржуазномъ?... Наконецъ, не все ли равно, на почвѣ какихъ и чьихъ конкретныхъ интересовъ и требованій разгорается общенародное возстаніе за права человѣка и гражданина, одинаково необходимыя для всѣхъ классовъ, за исклю-

ченіемъ горсти привиллегированныхъ угнетателей и эксплуататоровъ." ?

Такого читателя я попрошу припомнить, во-первыхъ, ту оцѣнку, которую я далъ выше, весеннимъ событіямъ прошлаго года и активному участію въ нихъ рабочихъ массъ, а во-вторыхъ, то отношеніе къ фактамъ и проявленіямъ неспеціально пролетарскаго революціоннаго и оппозиціоннаго движенія, которое высказывали „Искра" и „Заря" съ перваго дня своего появленія на свѣтъ и до сихъ поръ. Тогда онъ, полагаю, сообразитъ, что ему совершенно нечего тревожиться на счетъ отношенія революціонной соціальдемократіи къ движеніямъ оппозиціоннымъ, а тѣмъ болѣе, революціоннымъ, возникающимъ не на почвѣ интересовъ и требованій пролетаріата. Мы считаемъ обязанностью соціальдемократовъ не только поддерживать такія движенія и толкать ихъ впередъ, но и прямо способствовать возникновенію ихъ, прямо и косвенно содѣйствуя развитію, обостренію и расширенію взаимныхъ треній и конфликтовъ между правительствомъ и солидарными съ нимъ реакціонными или консервативными элементами, съ одной стороны, и, фактически или потенціально-оппозиціонными элементами высшихъ классовъ, съ другой.

Но изъ солидарности всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ слоевъ въ борьбѣ съ бюрократическимъ абсолютизмомъ еще ничуть не слѣдуетъ, что они въ политическомъ отношеніи являются одной семьей, что между пролетарскими и буржуазными элементами нѣтъ и не должно быть въ этой области раздѣленія на "мы" и „вы", „наши" и „ваши". Если бы дѣло такъ обстояло, то существованіе соціальдемократіи на современной русской почвѣ было бы величайшей и зловреднѣйшей исторической нелѣпостью. Она имѣетъ право на существованіе въ абсолютистской Россіи лишь по столько, по сколько она систематически направляетъ свои усилія на то, чтобы обезпечить за пролетаріатомъ значеніе вполнѣ самостоятельной или даже руководящей политической силы

въ борьбѣ за свободу. Въ чемъ же могутъ непосредственно выражаться успѣхи нашей партіи въ этомъ отношеніи, гдѣ масштабъ для ихъ оцѣнки? Во-первыхъ, въ той роли, которую играютъ рабочія массы, когда онѣ поддерживаютъ не пролетарскіе слои въ ихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ, въ степени политической самостоятельности, проявляемой ими на полѣ борьбы, настоящими хозяевами котораго являются буржуазные и опозиціонные революціонные элементы. А затѣмъ, въ томъ непосредственно-революціонномъ значеніи, которое пріобрѣтаютъ столкновенія самого пролетаріата съ его непосредственными эксплуататорами и правительствомъ на почвѣ интересовъ и требованій, „непосредственно ощущаемыхъ и сознаваемыхъ“ борющимися массами. Я нарочно употребляю это, довольно таки износившееся, выраженіе, чтобы рѣзко оттѣнить контрастъ между тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое до сихъ поръ имѣли факты рабочаго движенія на такой почвѣ, съ одной стороны, и значеніемъ прошлогоднихъ студенческихъ волненій, возникшихъ также на почвѣ „*ближайшихъ* нуждъ и требованій“ массы (студенческой), съ другой. Съ точки зрѣнія вышеупомянутой спеціальной задачи нашей партіи, мы никоимъ образомъ не можемъ безразлично относиться къ тому факту, что освободительныя усилія нашихъ рабочихъ массъ не пріобрѣли еще до сихъ поръ въ глазахъ широкихъ слоевъ общества и народныхъ массъ значенія хотя бы такого же непосредственнаго рычага и непосредственной почвы для аттакъ на абсолютизмъ, какъ студенческое движеніе. Кто читалъ передовицу № 3 „Искры“, посвященную оцѣнкѣ весеннихъ демонстрацій прошлаго года, и статью Плеханова „Что же дальше“? (во второй книжкѣ „Зари“) по поводу тѣхъ же событій, тотъ знаетъ, что революціонная соціальдемократія радостно привѣтствовала ихъ, какъ начало новой эпохи въ исторіи Россіи. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ не видѣть въ нихъ симптоматическаго указанія на то, что революціонное движеніе въ послѣднія десятилѣтія

какъ будто подготовляло у насъ гегемонію буржуазной демократіи надъ народными массами въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Съ внѣшней или формальной стороны это какъ будто не такъ. На западѣ буржуазные революціонные элементы прямо предводительствовали народными массами въ уличныхъ демонстраціяхъ и возстаніяхъ противъ стараго режима. Наше же студенчество не играло такой роли. Оно, правда, проявило уже въ своихъ прокламаціяхъ сознаніе огромнаго значенія пролетаріата для борьбы за свободу, но, на сколько мнѣ извѣстно, не пыталось даже вызвать его на арену борьбы. Къ чести своей, онъ по собственной иниціативѣ, не дожидаясь спеціальнаго призыва со стороны студенчества, безъ того, чтобы оно разжигало въ немъ боевыя страсти, поспѣшилъ присоединиться къ протестовавшей молодежи. Мало того, въ Кіевѣ и отчасти въ Харьковѣ сами соціальдемократическіе комитеты стояли во главѣ рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстраціяхъ. Но тѣмъ большее симптоматическое значеніе пріобрѣтаетъ тотъ фактъ, что первая массовая стычка съ самодержавіемъ до самаго конца не вышла изъ рамокъ студенческаго движенія, что не пролетаріатъ, на почвѣ своихъ требованій и во имя своихъ лозунговъ, а академическая молодежь, со своими спеціальными „конкретными“ требованіями осталась въ центрѣ этихъ событій. Исторія какъ бы хотѣла дать намъ наглядный урокъ и воочію показать, что русская оппозиціонная буржуазія можетъ и безъ особыхъ усилій очутиться въ роли представительницы народа — противъ абсолютизма, между тѣмъ, какъ борющемуся пролетаріату нужно затратить колоссальную энергію, чтобы завоевать для себя эту почетную привилегію.

Всякое революціонное движеніе предполагаетъ у руководящихъ имъ элементовъ значительный запасъ энергіи, большій или меньшій энтузіазмъ и идеализмъ и готовность жертвовать собою ради общаго дѣла. Такіе элементы должны были быть, были и имѣются на лицо и въ нашемъ студенче-

ствѣ. И само собою разумѣется, что не изъ молодежи либеральнаго пошиба, не изъ лагеря умѣренныхъ и аккуратныхъ представителей ея, самой природой предназначенныхъ въ рядовые и офицера безкровнаго, легальнаго либерализма, могли рекрутироваться руководители и застрѣльщики студенческаго движенія, которымъ оно обязано тѣмъ, что разрослось въ общенародную политическую демонстрацію.

Рѣшительный толчекъ этому движенію, въ непосредственно революціонномъ смыслѣ, далъ выстрѣлъ Карповича въ Боголѣпова. Что общаго между этимъ самоотверженнымъ мстителемъ за попранныя человѣческія права молодежи и какими-нибудь трезвенными юношами, мечтающими о филистерскомъ, хотя бы и буржуазно-честными средствами пріобрѣтенномъ, благополучіи? Карповичъ —соціалистъ и революціонеръ. Точно также и Лаговскій, покушеніе котораго на жизнь Побѣдоносцева явилось однимъ изъ яркихъ эпизодовъ студенческаго движенія, по своимъ убѣжденіямъ, соціалистъ и революціонеръ. Наконецъ, кто непосредственно руководилъ этимъ движеніемъ и истолковывалъ его передъ широкой публикой? Опять таки представители сознательно-революціонной и революціонно настроенной части интеллигенціи. И посмотрите, какимъ сознаніемъ революціоннаго общенароднаго значенія дѣла академической молодежи проникнуты прокламаціи студенческія? „За права всего угнетеннаго русскаго народа боремся мы, ему хотимъ мы отплатить за свое воспитаніе, для него мы обязаны бороться, ради него жертвовать собой“ *). И далѣе, въ той же прокламаціи: „Наша побѣда — побѣда всего народа, наше пораженіе — его пораженіе“... Наши требованія, направленныя противъ „временныхъ правилъ“, направлены противъ цѣлаго ряда беззаконій и несправедливостей правительства. Да, мы ве-

*) „Отъ студентовъ петербургскаго университета“ (Къ московскимъ профессорамъ) Смотри „Листокъ Свободнаго Слова“, № 21.

демъ борьбу съ нашимъ отживающимъ строемъ, — и вотъ почему примыкаютъ къ намъ всѣ недовольные элементы, недовольные, и политическимъ, и экономическимъ, и соціальнымъ строемъ, — другими словами, весь пролетаріатъ, всѣ угнетенные и обездоленные, вся порабощенная Россія“. Протестъ заканчивается слѣдующими знаменательными словами: „Именемъ истины и свободы вы (профессора) дерзаете призывать насъ къ порабощенію народа, мы же, во имя истины, во имя народа, во имя науки, во имя свободы призываемъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ обездоленныхъ къ борьбѣ; посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда“.

Трудно даже и представить себѣ такое революціонное самосознаніе въ университетской молодежи прежнихъ временъ, такую вѣру въ то, что ея борьба за свои спеціальные интересы и требованія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба за свободу, права и благосостояніе всего народа. Даже революціонная партія, героически боровшаяся за политическую свободу, подъ знаменемъ соціализма, — даже партія „Н. В.“, и та должна была еще доказывать всячески, что направляя свои удары противъ правительства, она отнюдь не измѣняетъ интересамъ народа, не приноситъ ихъ въ жертву высшимъ классамъ, а наоборотъ также, какъ другіе революціонеры народники, сознательно и систематически, только болѣе вѣрнымъ путемъ, подготовляетъ соціальный переворотъ. А прокламаціи студенческія, говорящія отъ имени молодежи, исходящія изъ ея частныхъ непосредственныхъ нуждъ и требованій, проникнуты твердымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ ея требованіяхъ и борьбѣ за нихъ заинтересованы „всѣ русскіе граждане“. Устами вождей этой молодежи идеологи и застрѣльщики оппозиціонной буржуазіи какъ бы говорятъ намъ: „Наши интересы и потребности обнимаютъ интересы и потребности всего народа; отстаивая первые, мы въ тоже время отстаиваемъ и послѣдніе. А потому, и мы во имя истины, во имя народа, во имя науки, во имя сво-

боды, призываемъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ обездоленныхъ къ борьбѣ“.

Это — языкъ революціонныхъ представителей нашего „третьяго сословія“, въ демократическихъ кругахъ котораго, повидимому, начинаетъ пробуждаться стремленіе сложиться въ общедемократическую революціонную силу для руководства всѣми оппозиціонными элементами, и въ особенности рабочими массами въ борьбѣ за гражданское равенство и политическую свободу, Наконецъ то и Россія, съ божьей помощью, приближается къ той ступени политическаго развитія, на которой континентальныя страны запада стояли въ концѣ 18-го и первой половинѣ 19-го вѣка, а Англія уже больше $2^1/_2$ вѣковъ тому назадъ. И за это, на худой конецъ, можно сказать спасибо. А господа, склонные смотрѣть на Россію начала 20-го вѣка, съ ея промышленнымъ развитіемъ и рабочимъ движеніемъ, глазами запада давно прошедшихъ временъ, словомъ, либеральные эксъ и псевдосоціалисты считаютъ даже вздорнымъ и добиваться чего нибудь большаго. Для нихъ, все прошлое нашего революціоннаго движенія, поскольку оно происходило во имя и подъ знаменемъ соціализма, является сплошной ошибкой, плодомъ слѣпого подражанія *современному* западу. Но тѣ, которые не относятся къ этому факту, какъ къ исторической случайности или продукту простого увлеченія незрѣлыхъ умовъ подражаніемъ западнымъ образцамъ, не могутъ съ такимъ легкимъ сердцемъ примириться съ перспективой оттѣсненія на задній планъ соціалистической демократіи — либеральной. Для соціалистической интеллигенціи — соціалистической не только по названію, а на дѣлѣ — идеаломъ въ переживаемый Россіей періодъ должно бытъ такое соотношеніе революціонныхъ силъ, при которомъ передовые слои пролетаріата являлись бы на дѣлѣ и въ общемъ сознаніи главными революціонными представителями всей націи, авангардомъ всей демократіи. А между тѣмъ, по злой ироніи исторіи, какъ разъ тѣ элементы интеллигенціи, которые, по своему нравственному идеализму, по сво-

ему революціонному настроенію и соціалистическимъ симпатіямъ, являются естественными антагонистами либеральной буржуазіи, и очутились въ роли ея революціонныхъ представителей, застрѣльщиковъ и знаменосцевъ. Именно этой части интеллигенціи студенчество *непосредственно* больше всего и обязано тѣмъ, что его столкновенія съ властями стали центромъ небывалаго еще въ Россіи широкаго общественнаго протеста противъ бюрократически-полицейскаго гнета и произвола.

Чтобы представить себѣ болѣе или менѣе конкретно общественный смыслъ отмѣченной только что роли радикальной интеллигенціи въ прошлогоднихъ революціонныхъ событіяхъ, надобно припомнить, каково было ея принципіальное отношеніе къ „обществу“ и студенчеству въ 70-хъ годахъ.

Это была эпоха (особенно до террористическаго періода) страстнаго стремленія наиболѣе идейныхъ и революціонныхъ представителей учащейся молодежи и вообще радикальной интеллигенціи къ практическому сближенію и даже сліянію съ крестьянствомъ, съ цѣлью организовать его въ народно-революціонную партію, для совершенія соціальной революціи. Параллельно съ этимъ стремленіемъ, частью какъ его необходимое слѣдствіе, а частью какъ источникъ, питавшій его, въ революціонно настроенныхъ кругахъ развилось безусловно отрицательное отношеніе къ либеральному обществу, съ его конституціонными вожделѣніями, съ его попытками и стремленіями въ области народолюбія и культурно-просвѣтительной дѣятельности. Идеализація крестьянства и практическое стремленіе къ соціальной революціи, заставлявшее наиболѣе рѣшительныхъ представителей радикальной молодежи „сжигать за собою корабли“, бросать учебныя заведенія, дипломы и порывать съ „привиллегированной средой“, стягивавали отдѣльныя единицы и кружки этой молодежи подъ знамя соціально-революціонной партіи, вокругъ которой группировалась, къ которой тяготѣла лучшая часть интеллигенціи.

Даже въ періодъ народовольческій, когда борь-

ба съ абсолютизмомъ стала центральной задачей революціоннаго движенія, отношеніе этой части интеллигенціи къ либеральнымъ элементамъ въ принципѣ почти не измѣнилось; она по прежнему продолжала смотрѣть на нихъ, какъ на антиподъ революціонныхъ элементовъ, соціальные интересы, настроеніе и потребности которыхъ создаютъ принципіальную пропасть между нимъ и революціонерами. Эти послѣдніе являлись среди общества какъ бы военной дружиной или рыцарскимъ орденомъ, пользовавшимся тѣми или другими элементами обывательскаго міра для своихъ коллективныхъ цѣлей, но отнюдь не желавшимъ смѣшиваться съ ними и отождествлять свои интересы съ ихъ интересами.

Хотя учащаяся молодежь являлась главнымъ резервуаромъ и источникомъ силъ и средствъ народническаго революціоннаго движенія, она, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, играла въ глазахъ революціонеровъ приблизительно такую же роль, какъ и остальная масса представителей мирной, обывательской оппозиціи.

Сама по себѣ, *внутри спеціальной сферы своихъ* соціальныхъ и академическихъ интересовъ, она для нихъ представляла буржуазный элементъ, питающійся соками народа, поднимающійся по его согбенной спинѣ на верхніе этажи соціальной пирамиды и, какъ таковой, потенціально, а частью, и фактитески примыкающій къ лагерю враговъ соціальной революціи. Поэтому, положеніе этой молодежи, несправедливости и беззаконія, отъ которыхъ она терпитъ, и спеціальныя требованія, выставляемыя ею, если и интересовали революціонеровъ-народниковъ, то не сами по себѣ, и не ради нея, даже не вслѣдствіе ихъ общеполитическаго значенія, а исключительно съ точки зрѣнія орудія, которымъ соціально-революціонная партія можетъ воспользоваться для подбора кандидатовъ среди студенчества въ свои ряды и для развитія въ немъ духа недовольства, предрасполагающаго молодежь къ сочувствію и поддержкѣ партіи. Самостоятельнаго, самодовлѣющаго революціоннаго

значенія частные интересы и волненія студенчества въ глазахъ революціонеровъ народническаго періода не имѣли. Другое, противоположное отношеніе исключалось ихъ революціоннымъ міросозерцаніемъ, ихъ практическими стремленіями и принципіально-отрицательнымъ отношеніемъ къ либерализму. Вотъ почему крайне трудно представить себѣ, чтобы героизмъ, самоотверженность, страстный энтузіазмъ могли среди демократической интеллигенціи того времени проявиться иначе, какъ на почвѣ непосредственныхъ интересовъ и борьбы революціонной *партіи* съ правительствомъ. Она, эта партія, являлась самодовлѣющей революціонной силой, своимъ настроеніемъ и своей неукротимой энергіей обаятельно дѣйствовавшей на всѣ тѣ элементы молодежи, которые способны были страстно проникаться идейными интересами и стремленіями. Вполнѣ естественно, поэтому, что и всѣ террористическіе акты того времени, начиная съ покушенія на шпіона Гориневича въ 1876 г., продолжая выстрѣломъ В. Засуличъ въ петербургскаго градоначальника Трепова, и кончая убійствомъ Александра II — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они являлись дѣломъ индивидуальной иниціативы отдѣльнаго самоотверженнаго лица, были *непосредственными* актами соціально-революціонной *партіи*, проявленіями, послѣдствіями или средствами ея борьбы съ правительствомъ — подъ знаменемъ соціализма.

Весьма характерно, что среди революціонеровъ никому тогда и въ голову не приходила мысль объ убійствѣ тогдашняго главы реакціи въ правительственныхъ сферахъ, злой памяти графа Толстого, состоявшаго при Александрѣ II министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Синода. Революціонеры прекрасно знали, что удачное покушеніе на его жизнь встрѣтило бы восторженное сочуствіе даже въ той широкой, либерально настроенной публикѣ, которая очень негодовала на партію „Н. В.“ за ея террористическую тактику. Но они, тѣмъ не менѣе, только подтрунивали надъ мыслью о такомъ покушеніи, какъ о

совершенной нелѣпости — съ точки зрѣнія партіи. Съ ея точки зрѣнія, или точнѣе, съ точки зрѣнія классическаго, революціоннаго народничества вообще, реакціонные подвиги министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода касались непосредственно только либераловъ, а потому и не заслуживали спеціальнаго вниманія революціонеровъ.

Нужно ли еще доказывать, что въ прошлогоднемъ студенческомъ движеніи проявилось какъ разъ обратное отношеніе со стороны огромнаго большинства радикальной интеллигенціи къ либерально-демократическому обществу и къ народнымъ массамъ? Она, наконецъ, поняла огромное революціонное значеніе пролетаріата, какъ естественнаго врага самодержавія. Но всѣми своими помыслами и практическими стремленіями она оказалась слитой съ этимъ обществомъ. Проницательному читателю я еще разъ напомню, что революціонная соціальдемократія занимаетъ другую позицію по отношенію къ либерализму и его соціальнымъ представителямъ, чѣмъ ея предшественники въ 70-хъ годахъ. Съ нашей точки зрѣнія пассивное отношеніе революціонеровъ къ студенческимъ волненіямъ и вызвавшимъ ихъ правительственнымъ безобразіямъ, было бы антиреволюціонно и даже реакціонно. Объ этомъ въ настоящее время спору быть не можетъ. Но представьте себѣ на минуту, что всѣ сознательные революціонеры и вся революціонно настроенная интеллигенція втеченіе періода, предшествовавшаго демонстраціямъ прошлаго года, проникнуты были соціалистически-революціоннымъ энтузіазмомъ, и что этотъ энтузіазмъ практически выразился бы въ страстномъ увлеченіи систематической дѣятельностью на пользу развитія въ пролетаріатѣ классоваго самосознанія и организаціи его въ самостоятельную революціонную партію. Если бы въ результатѣ этой дѣятельности у насъ къ началу XX вѣка была бы сильная соціалистическая боевая организація, то она конечно, ужъ никоимъ образомъ не осталась бы безучастной зрительницей воз-

мутительныхъ актовъ насилія надъ студентами. Но заступничество ея за нихъ выразилось бы въ томъ, что она овладѣла бы всѣмъ движеніемъ, стала бы во главѣ его, и „прологъ нашей революціи“ принялъ бы форму непосредственно революціонной аттаки противъ абсолютизма, происходящей подъ знаменемъ и руководствомъ передовыхъ слоевъ пролетаріата, съ которыми идейно и практически слились лучшія силы интеллигенціи. Студенческія волненія, послуживъ поводомъ и давъ толчекъ для серьезной схватки между партіей пролетаріата и правительствомъ, поглощены были бы широкой волной рабочаго движенія, направленнаго непосредственно на завоеваніе политической свободы. Другими словами, первая массовая стычка русской демократіи съ абсолютизмомъ носила бы характеръ движенія соціальдемократическаго, а не либерально-демократическаго. Но разъ я уже пустился по наклонной плоскости разныхъ предположеній, то рискну еще однимъ. Если бы большинство передовой интеллигенціи, проникнуто было пролетарски-соціалистическими тенденціями и если бы оно такъ же горячо и страстно относилось къ интересамъ и требованіямъ пролетаріата, какъ къ „конкретнымъ“ интересамъ и требованіямъ студенчества, если бы она нужды, потребности и стремленія этихъ массъ, обиды, и притѣсненія, которыя имъ причиняются, принимала такъ же близко къ сердцу, какъ студенческія, то кто его знаетъ: быть можетъ то или другое изъ тѣхъ крупныхъ событій, которыми ознаменовалось наше рабочее движеніе въ Петербургѣ, прямо такі и разрослось бы въ общедемократическую схватку революціонныхъ силъ съ охранителями нашего политическаго строя. Но тутъ ужъ я самъ сознаю, что впалъ въ политическую маниловщину, а потому спѣшу возвратиться изъ области „еслибы, да кабы“ къ тому, что на самомъ дѣлѣ происходило и что въ дѣйствительности вышло.

II.

Въ событіяхъ прошлаго года сказались результаты двойнаго историческаго процесса: съ одной

стороны, разложенія демократической интеллигенціи и ея народническаго міросозерцанія. какъ революціонныхъ силъ, а съ другой — назрѣванія и первоначальнаго роста новой революціонной силы, пролетаріата. Съ паденіемъ партіи „Народной Воли", вѣра въ крестьянство, какъ исторически призваннаго носителя соціальной революціи на русской почвѣ, уже прежде подорванная, окончательно рухнула, а прежніе соціально-революціонный энтузіазмъ, увѣренность въ собственныхъ силахъ и принципіально отрицательное отношеніе къ либерализму, съ его теоріей и практикой „малыхъ дѣлъ", уступили мѣсто разочарованію, скептицизму и практическому сближенію съ „обществомъ" радикальныхъ круговъ на почвѣ этихъ самыхъ „малыхъ дѣлъ", Въ кругу учащейся молодежи, эта внутренняя эволюція радикальныхъ элементовъ, сопровождавшаяся и соотвѣтствующей внѣшней дезоганизаціей революціонныхъ силъ, отразилась тѣмъ, что значительная часть лучшихъ ея представителей цѣликомъ, всей душой и всѣми помыслами должна была уйти въ студенческія дѣла и интересы.

Рядомъ съ этимъ шло распространеніе марксистскихъ и соціальдемократическихъ возрѣній въ кругу той же интеллигенціи. Но только около середины прошлаго десятилѣтія практическіе результаты соціальдемократической пропаганды проявились осязательнымъ образомъ въ фактѣ появленія на революціонной аренѣ Петербургскаго Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса, организовавшагося на почвѣ непосредственно практическаго сближенія передовыхъ представителей соціальдемократическаго теченія въ интеллигенціи съ сознательными элементами среди рабочихъ, съ цѣлью агитаціи въ рабочихъ массахъ во имя ихъ ближайшихъ нуждъ и требованій Очень скоро послѣ этого событія, особенно начиная съ стачечнаго движенія петербургскихъ рабочихъ въ 1896-7 г г,, соціальдемократія становится господстсвующей революціонной силой. Но внѣшнимъ успѣхамъ нашего движенія, его количественному росту далеко не соотвѣтствовало его внутреннее развитіе. По

слѣднее все болѣе и болѣе отставало отъ перваго. И это вполнѣ понятно. И соціальдемократическія ученія, и самъ рабочій классъ, какъ *революціонные факторы*, сравнительно съ ученіями утопическаго соціализма и съ демократической интеллигенціей, — явленія, совершенно новыя на русской почвѣ. При этомъ, въ то время, какъ демократическая интеллигенція, эта, сравнительно, старая революціонная сила, является составной частью привилегированныхъ и культурныхъ сословій, пользующихся плодами двухвѣковаго поступательнаго движенія — экономическаго, соціальнаго и умственнаго, — пролетаріатъ представляетъ собою *народную* революціонную силу, зрѣющую и ростущую на низахъ общественной пирамиды, безъ воздуха, свѣта и солнца, въ атмосферѣ абсолютнаго безправія, вынужденную съ великими усиліями добывать крупицы культурныхъ средствъ для своего развитія изъ богатой сокровищницы высшихъ и среднихъ классовъ. Въ своемъ политическомъ развитіи пролетаріатъ не можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего пробужденія къ исторической жизни не зависѣть отъ радикальной интеллигенціи. Но большинство тѣхъ изъ ея представителей, которые присоединились къ новому, соціальдемократическому движенію, съ своей стороны, развивались и воспитывались въ общественной и идейной атмосферѣ интеллигенціи несоціальдемократической и даже антисоціальдемократической. А вліяніе этой атмосферы отразилось на немъ двоякимъ образомъ. Во первыхъ, тѣмъ, что марксизмъ въ легальной печати, изъ орудія революціонно-соціалистической критики реакціонныхъ и буржуазныхъ элементовъ народничества быстро обратился почти *исключительно* въ орудіе для теоретическаго примиренія радикальныхъ круговъ съ капитализмомъ и съ политическимъ господствомъ буржуазіи, т. е. въ болѣе или менѣе замаскированную идеологію либеральной буржуазіи, направленную одновременно и противъ отживавшихъ народническихъ теченій, и противъ революціонно-соціалистической демократіи. Въ этомъ, новомъ, фальсифицированномъ видѣ,

русскій марксизмъ явился принципіальной санкціей для, стихійно, происходившаго въ кругу радикальной интеллигенціи перемѣщенія центра тяжести ея идейныхъ интересовъ и практическихъ стремленій изъ области „чистаго соціализма" въ область „чистой политики", т. е. либерализма, и для, также стихійно совершавшагося, процесса практическаго сближенія и слiянія ея съ „обществомъ" на почвѣ его оппозиціонныхъ стремленій и усилій. Это съ одной стороны. А съ другой, представители того же, отдѣленнаго отъ своего принципіальнаго базиса, марксизма, помогли массѣ интеллигенціи уразумѣть непосредственное значеніе нашего рабочаго движенія для дѣла низверженія абсолютизма. Конечный же политическій выводъ изъ всей этой, приспособленной къ „насущнымъ" интересамъ и потребностямъ оппозиціонной буржуазіи, пропаганды „марксизма" формулированъ, какъ извѣстно, въ пресловутомъ Credo и сводится къ тому, что рабочіе самостоятельно ведутъ борьбу съ предпринимателями („экономическую"), а борьбой политической должно руководить „либеральное общество".

На литературѣ, пропитанной такими тенденціями, воспитывались и подготовлялись въ интеллигенціи соціальдемократическіе рекруты въ послѣдніе годы прошлаго десятилѣтія. Нужно, однако, сказать, что политическія тенденціи буржуазнаго марксизма—(теперь ужъ, должно быть, очередь за Турціей или Китаемъ выдумать такое, по истинѣ „самобытное", сочетаніе) нашли для себя довольно благопріятную почву въ самой соціальдемократической практикѣ. Политическая незрѣлость *массы* практиковъ и кружковщина, унаслѣдованныя новымъ періодомъ нашего движенія (начавшимся съ основанія Петербургскаго Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса) отъ періода пропагандистско-просвѣтительнаго и господства *общественной* реакціи, съ одной стороны, и культурная отсталость рабочихъ массъ, начинавшихъ выступать только на арену борьбы со своими непосредственными эксплуататорами, съ другой,—толкали соціальдемократовъ на путь тенденціознаго, такъ сказать, систематиче-

скаго съуженія своей дѣятельности сферой этой борьбы. А это съуженіе, въ свою очередь, поддерживало кружковщину и замедляло развитіе политическаго сознанія представителей движенія и рабочихъ массъ, а вмѣстѣ съ ними и вновь прибывающихъ дѣятелей изъ интеллигенціи. Результатомъ всего этого было то, что, въ то время, какъ настроеніе рабочихъ массъ быстро революціонизировалось, какъ боевой духъ и политическое раздраженіе охватывали все болѣе и болѣе широкіе круги ихъ, заражая собою и либерально-демократическую интеллигенцію, процессъ объединенія и сплоченія ихъ передовыхъ представителей въ партійную организацію, съ общей программой и тактикой не подвигался впередъ, если не считать нѣкоторыхъ изолированныхъ попытокъ, не измѣнившихъ, общаго характера движенія.

Дезорганизація демократической интеллигенціи, какъ *самостоятльной* революціонной силы, въ періодъ, слѣдовавшій за паденіемъ „Народной Воли“, неблагопріятное вліяніе условій и хода этого процесса на зарожденіе и развитіе новаго, соціальдемократическаго, революціоннаго теченія, а черезъ него, и на развитіе политическаго *самосознанія* и политической самодѣятельности пролетаріата, обратное, революціонизирующее, поднимающее оппозиціонный духъ, вліяніе рабочаго движенія на интеллигенцію — вотъ наиболѣе бросающіеся въ глаза моменты, предопредѣлившіе характеръ прошлогоднихъ событій. Прибавлю къ нимъ еще одинъ, не менѣе важный, фактъ, а именно, что слуги самодержавія съ ревностнымъ усердіемъ старались о томъ, чтобы гнетъ его сталъ сильно ощущаться и широкими слоями мирной, обывательской публики; такимъ путемъ имъ удалось распространить политическое недовольство въ массахъ населенія и подготовить ихъ къ сочувствію тѣмъ, кто возьметъ на себя починъ для протеста противъ всеобщаго безправія и угнетенія. И, въ итогѣ всего этого, къ началу новаго вѣка оказались налицо три элемента, которые, въ совокупности своей, необходимы для того, чтобы въ антиправитель-

ственномъ движеніи обезпечить главенство за буржуазной демократіей.

Въ февральскихъ и мартовскихъ событіяхъ мы видимъ отчасти на аренѣ борьбы, а еще больше на заднемъ фонѣ ея значительныя массы разныхъ классовъ населенія, раздраженныя чиновничьимъ и полицейскимъ произволомъ. Фактическими двигателями и истинными героями событій явились лучшіе, революціонно настроенные и даже сознательно революціонные представители интеллигенціи. Но, отнюдь не въ качествѣ членовъ партійной коллективности, объединенной общей программой и руководящимъ центромъ. Въ этомъ смыслѣ, революціонная интеллигенція отсутствовала на аренѣ борьбы. Она *) всецѣло слилась съ студенческимъ движеніемъ, растворилась въ немъ на отдѣльные атомы, и тѣмъ самымъ придала ему то самодовлѣющее, центральное значеніе, котораго оно въ 70-хъ годахъ не имѣло. Что касается до третьяго элемента движенія, пролетаріата, то онъ во всякомъ случаѣ не повсемѣстно игралъ такую политически безличную роль, какъ революціонная интеллигенція. Но все же и онъ оказался лишеннымъ собственнаго политическаго центра, который могъ бы руководить рабочими массами, рвавшимися въ бой даже помимо соціальдемократическихъ комитетовъ. Этимъ массамъ ничего не оставалось, какъ стихійно присоединяться къ движенію, — классически это произошло въ Москвѣ — или же оставаться безучастными зрителями. Къ чести нашего рабочаго класса онѣ выбрали первое.

Такимъ образомъ, и пролетаріатъ, и революціонная интеллигенція — двѣ главныя силы, которымъ Россія обязана своимъ вступленіемъ въ эпоху общенароднаго движенія за свободу—оказались, въ политическомъ смыслѣ, слугами оппозиціонной буржуазіи. Одинъ, потому, что не успѣлъ *еще* сложиться въ крѣпко сплоченную, самостоятельную

---

*) За исключеніемъ тѣхъ немногихъ представителей ея, которые цѣликомъ ушли въ дѣло пропаганды и агитаціи среди пролетаріата.

революціонную силу, другая, потому что *уже* сошла съ исторической арены, какъ самостоятельный, по отношенію къ обществу и народнымъ массамъ, революціонный элементъ. Но рабочіе играли въ данномъ случаѣ роль рядовыхъ, революціонные же представители интеллигенціи явились руководителями, организаторами и застрѣльщиками студенчества. Исторически эта роль квалифицируется, какъ революціонная буржуазно-демократическая, потому что, по своему объективному, общественному смыслу она однородна съ той, которую играли „революціонеры изъ буржуазной среды*)“ на западѣ въ періодъ освободительнаго движенія противъ абсолютизма. Эти революціонеры такъ же далеки были отъ заботъ о благополучіи и господствѣ буржуазіи, какъ и наши революціонеры. Не меньше послѣднихъ они одушевлены были стремленіемъ ко всеобщему счастью, равенству и свободѣ. И тѣмъ не менѣе, исторія весьма основательно закрѣпила за ними названіе буржуазныхъ демократовъ, отнюдь не желая набрасывать тѣнь на субъективную искренность ихъ народолюбія, на ихъ идеальныя стремленія и революціонные лозунги.

III.

Зимою 1897 г., когда въ кругу соціальдемократической интеллигенціи начала появляться тенденція задержать наше рабочее движеніе на неопредѣленно долгое время въ узкихъ рамкахъ борьбы рабочихъ съ предпринимателями, во имя „непосредственно сознанныхъ ими интересовъ“, я писалъ въ „Рабочую газету“, что тенденція эта грозитъ намъ серьезной опасностью, что въ случаѣ торжества ея, освободительная борьба противъ абсолютизма пойдетъ у насъ „въ одномъ, очень важномъ отношеніи, тѣмъ же путемъ“, какимъ она шла на западѣ, т. е., что рабочія массы не будутъ играть въ

---

*) См. статью В. Засуличъ, подъ такимъ заглавіемъ въ № 1 „Соціальдемократа“ (1890 г.) Полагаю, что въ настоящій моментъ особенно полезно обратить на нее вниманіе.

ней самостоятельной революціонной роли, а будутъ идти за буржуазной интеллигенціей и сражаться за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ*). Но въ томъ-же письмѣ я указывалъ и на другую перспективу — перспективу пріобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ значенія самостоятельной и даже руководящей силы въ современномъ освободительномъ движеніи Россіи. Историческія условія выступленія его на историческую арену, — говорилъ я въ своемъ письмѣ и подробнѣе обосновывалъ эту мысль въ другой статьѣ**) — даютъ ему возможность добиться такого значенія, а потому всѣ усилія соціалистической интеллигенціи должны быть направлены на то, чтобы использовать всѣ плюсы и минусы русской жизни въ интересахъ осуществленія этой переспективы. Но, къ сожалѣнію, наши соціальдемократическіе кружки чрезвычайно далеки были еще въ то время „отъ тактики***), имѣющей цѣлью всесторонним образомъ пользоваться прогрессивными элементами русской жизни въ интересахъ только что указанной задачи." Въ этомъ обстоятельствѣ я и видѣлъ *одну* изъ главныхъ помѣхъ къ осуществленію второй изъ указанныхъ мною перспективъ нашего рабочаго движенія — перспективы поглощенія имъ въ себѣ всѣхъ революціонно-демократическихъ элементовъ интеллигенціи и слиянія ихъ съ нимъ въ одинъ нераздѣльный потокъ всѣхъ революціонныхъ теченій противъ нашего государственнаго строя. Въ „прологѣ русской революціи" проявилась весьма осязательнымъ образомъ именно первая изъ указанныхъ мною перспективъ. И тѣ же самые товарищи, которые объявили мои предупрежденія противъ односторонняго увлеченія такъ называемой экономической агитаціей, плодомъ неосновательныхъ „мрач-

*) Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ, второе письмо.

**) Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи.

***) Вѣрнѣе было бы сказать: даже отъ программы, а не только тактики.

ныхъ опасеній,“ запѣли восторженно побѣдныя пѣсни по случаю прошлогоднихъ весеннихъ демонстрацій. Когда распространилась стихійная волна стачечныхъ или „экономическихъ движеній,“ они спокойно усѣлись на буксирѣ „объективнаго или стихійнаго историческаго процесса,“ увлекавшаго наше движеніе на путь тредъюніонизма, и торжественно ликуя, поплыли по теченію, не заботясь о томъ, куда оно насъ влечетъ. Съ такой же стремительностью и съ такимъ же восторгомъ они поспѣшили потащиться за этимъ процессомъ, лишь только онъ обнаружилъ тенденцію принять форму и характеръ массоваго политическаго движенія.

Къ счастью для нашего пролетаріата, періодъ, слѣдующій за революціоннымъ движеніемъ прошлаго года, ознаменованъ несомнѣнно крупными успѣхами революціонной соціальдемократіи, которая въ теченіе второй половины 90-хъ годовъ все болѣе и болѣе оттѣснялась на задній планъ представителями узкаго практицизма и безпринципнаго эклектизма. Правда, въ моментъ перехода нашего движенія отъ фазиса абстрактной пропаганды и теоретическаго саморазвитія интеллигентовъ въ фазисъ массовой агитаціи въ немъ играли видную роль дѣятели, стоявшіе па точкѣ зрѣнія революціонной соціальдемократіи. Главные основатели Петербургскаго Союза Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса, положившаго своей организаціей и своей дѣятельностью начало новому періоду, были вполнѣ сознательными марксистами и носились съ широкими перспективами, соотвѣтствовавшими требованіямъ истинно революціонной соціальдемократической программы и тактики. Но большинство тогдашнихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, хотя и не относились съ сознательной враждой къ такой программѣ и тактикѣ, были, однако, чужды той и другой. Это и обнаружилось въ томъ, что очень скоро послѣ устраненія главныхъ піонеровъ новаго фазиса движенія оно свернуло на тотъ путь, который привелъ къ торжеству въ немъ узкаго экономизма. Однако, революціонное соціальдемо-

кратическое теченіе продолжало все-таки время отъ времени, хоть спорадически, проявлять нѣкоторые признаки жизни. Но дѣйствительное возрожденіе его началось въ самомъ концѣ прошлаго десятилѣтія.

Лѣтомъ 1900 г. представители революціонно-соціальдемократическаго теченія, разсѣянные по весямъ и градамъ нашего обширнаго отечества, сплотились въ особую группу и рѣшили издавать научно-политическій журналъ и газету. Послѣдняя, „Искра“, появилась въ свѣтъ наканунѣ студенческихъ волненій, которымъ суждено было разростись въ общенародный политическій протестъ, а журналъ „Заря“, былъ уже отпечатанъ, когда протестъ этотъ начался. Нетерпѣніе, съ которымъ ожидался выходъ въ свѣтъ нашихъ изданій, и сочувствіе, которое они встрѣтили въ наиболѣе сознательныхъ и революціонныхъ кругахъ соціалистической интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, уже сами по себѣ являлись благопріятными предвѣстниками для новой соціальдемократической группы. И дѣйствительно, въ теченіе какого-нибудь года ей удалось завоевать для революціонной соціальдемократіи позицію вліятельной фракціи, оттѣснившей на задній планъ опасныя теченія въ соціальдемократіи и оказывающей давленіе на мысль и не соціальдемократической радикальной интеллигенціи.

Предаваться восторженнымъ ликованіямъ и покоиться на лаврахъ намъ, однако, нельзя еще. Успѣхи революціонной соцільдемократіи даютъ основаніе надѣяться на измѣненіе соотношенія нашихъ революціонныхъ силъ въ пользу пролетаріата. Важнымъ показателемъ возростающаго значенія послѣдняго, какъ политической силы, является обращеніе руководителей послѣднихъ студенческихъ волненій къ его помощи, ихъ стремленіе установить возможно болѣе тѣсную практическую связь между рабочимъ движеніемъ и соціальдемократіей съ одной стороны, и движеніемъ академической молодежи, съ другой. Знаменательно также обращеніе Всероссійскаго студенческаго съѣзда къ соціаль-

демократическимъ комитетамъ „съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проэктируемымъ организаціямъ“ студенческихъ комитетовъ въ дѣлѣ установленія и развитія такой связи. Но все это факты, еще только сулящіе желательную намъ перспективу. Реальное же, фактическое соотношеніе силъ въ современномъ освободительномъ движеніи, по *существу*, совсѣмъ или почти не измѣнилось со времени весеннихъ событій прошлаго, т. е. 1901 года.

Концентрирующимъ, объединяющимъ и руководящимъ факторомъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ на аренѣ политической борьбы все еще является движеніе студенческое. По прежнему ни одинъ изъ фактовъ рабочаго движенія не концентрируетъ на себѣ всеобщаго вниманія широкихъ народныхъ массъ и интеллигенціи и не становится почвой, исходнымъ пунктомъ или импульсомъ для новаго массоваго взрыва политическаго недовольства. Проявленія недовольства и протеста въ рабочихъ массахъ, ихъ стычки съ эксплуататорами и властями, драмы, возникающія и разыгривающіяся на почвѣ этихъ столкновеній, остаются внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ группъ пролетаріата. Отдѣльные представители и кружки соціальдемократической интеллигенціи, принимающіе близко къ сердцу интересы и стремленія рабочихъ, безсильны были объединить разрозненыя проявленія ихъ революціоннаго настроенія въ болѣе или менѣе широкое движеніе, способное взволновать умы и сердца разныхъ слоевъ населенія и стать центральнымъ фактомъ общественной жизни. Однимъ словомъ, не смотря на не прекращавшееся расширеніе опозиціонныхъ и революціонныхъ волнъ, на политической аренѣ водворилось затишье, какъ только въ лагерѣ студенческомъ насталъ періодъ замиренья. Очевидно, съ наступленіемъ антракта въ студенческомъ движеніи, оппозиціонные элементы страны лишились какъ бы своего объединяющаго и руководящаго центра, и оппозиціонный потокъ снова разбился на мелкіе ручьи, безсильные стянуть эти

элементы въ компактную массу и увлечь ихъ для дружнаго напора противъ общаго врага.

Но вотъ настала осень,*) молодежь съѣхалась въ университетскіе города, и, воочію убѣдившись въ томъ, что правительство со своимъ „сердечнымъ попеченіемъ", только дурачило ее, опять начала волноваться. Вмѣстѣ или вслѣдъ за волновавшейся молодежью почуяло и увидѣло правительственный обманъ и „либеральное общество". И снова взоры и надежды всѣхъ революціонныхъ и политически недовольныхъ элементовъ обращены на студенчество; отъ него всѣ они ждутъ сигнала къ новой схваткѣ съ защитниками произвола и беззаконія, къ нему они спѣшатъ примкнуть, вокругъ него, какъ вокругъ своего общепризнаннаго центра, они опять групируются. Какъ только кончился антрактъ въ студенческомъ движеніи, какъ только зашевелилась академическая молодежь, друзья и враги абсолютизма почувствовали, что снова готовится стычка съ режимомъ кнута и нагайки. И дальнѣйшій ходъ событій конца прошлаго и начала текущаго**) года вполнѣ подтвердилъ эти ожиданія. Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить слѣдующее явленіе. Въ началѣ прошлаго года, студенчество неожиданно для самого себя, стихійнымъ образомъ, очутилось въ роли общенароднаго политическаго авангарда. Въ концѣ того же года оно уже наканунѣ борьбы сознаетъ себя въ этой роли и съ самаго начала, вполнѣ сознательно, выступаетъ изъ узкихъ рамокъ своихъ спеціальныхъ интересовъ на путь принципіальной борьбы противъ самаго политическаго строя.

Но въ этомъ своемъ новѣйшемъ фазисѣ студенческое движеніе политически уже переросло самого себя. Для широкой, продолжительной національной борьбы за свободу, студенчество съ его спеціальными интересами, стремленіями и требованіями, является слишкомъ узкой

---

*) 1901 г.
**) Т. е. 1902 г.

и неустойчивой основой. А потому, необходимымъ слѣдствіемъ вступленія передовой молодежи на почву непосредственно-политической борьбы будетъ то, что корпоративный, спеціально академическій патріотизмъ въ рядахъ ея уступитъ мѣсто стремленію слиться съ другими революціонно-демократическими элементами въ одну нераздѣльную армію борцовъ за общенародную свободу. Студенченская среда, сама по себѣ, какъ таковая, внѣ связи съ революціонно настроенными и революціонно активными слоями и группами массъ и интеллигенціи не можетъ не становиться слишкомъ тѣсной для политически развитыхъ и идейныхъ представителей протестующей молодежи. Ходъ борьбы ея за свои права и интересы стихійно привелъ ее къ такому пункту, когда ея идеологамъ и организаторамъ приходится сознательно стремиться къ перенесенію центра тяжести своихъ силъ и своей дѣятельности на широкую арену революціонной демократіи. Въ ту же сторону должна толкать лучшіе элементы студенчества и нивеллирующая политика обезумѣвшаго правительства, своимъ безмѣрно дикимъ произволомъ уравнивающая, въ безправіи, всѣ классы, слои и національности имперіи. Послѣднія студенческія волненія открываютъ, такимъ образомъ переспективу возрожденія въ студенчествѣ того революціоннаго и демократическаго энтузіазма, который увлекалъ его лучшихъ представителей въ ряды соціально-революціонной партіи и препятствовалъ ему пріобрѣсть значеніе самодавлеющей оппозиціонной силы.

Что на почвѣ такого настроенія въ массѣ студенчества можетъ развиться сильное тяготѣніе къ соціальдемократіи, это показываетъ выше упомянутый манифестъ общаго съѣзда представителей университеской молодежи. Но рядомъ съ этимъ благопріятнымъ, съ нашей точки зрѣнія, симптомомъ, мы наблюдаемъ такой, общій, а не изолированный фактъ, какъ оживленіе и усиленіе въ послѣднее время несоціальдемократическихъ и антисоціальдемократическихъ тенденцій и элементовъ въ *рево-*

люціонномъ лагерѣ. И, что особенно важно, историческая стихія сама несомнѣнно покровительствуетъ представителямъ этихъ тенденцій, можно даже сказать, что они являются ея безвольными и безсознательными орудіями, по скольку она враждебна политическому возвышенію рабочихъ массъ въ современной Россіи.

Дикій произволъ и звѣрскія жестокости правительства, настоятельная и неотложная необходимость повести борьбу съ нимъ на жизнь и смерть, вытекающая отсюда потребность въ объединеніи революціонныхъ силъ ради этой борьбы—все это стихійно влечетъ революціонные круги на путь подчиненія всѣхъ интересовъ, стремленій и силъ нашего движенія одной злободневной задачѣ низверженія абсолютизма. Освобожденіе Россіи изъ подъ вотчинной власти царя и его сатраповъ является жизненнымъ, жгучимъ общенароднымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ не только будущее Россіи, но и возможность просто жить, дышать и двигаться сегодня и завтра; откладывать это рѣшеніе нельзя ни на минуту. Передъ этимъ кореннымъ вопросомъ русской жизни совершенно исчезаетъ значеніе всякихъ междуфракціонныхъ разногласій; расходиться изъ за „теорій", доктринъ въ такой моментъ прямо преступно. А потому, во имя и ради „единенія": долой „сектантское доктринерство" и да будетъ нашимъ лозунгомъ: „нетерпимость ко всякой нетерпимости" *)—вотъ выводъ, стихійно навязывающійся людямъ, слѣпо увлекаемымъ „объективнымъ" ходомъ событій и потому относящимся съ фанатической „нетерпимостью" къ „доктринерскому" стремленію контролировать и регулировать стихійный историческій процессъ, путемъ сознательной, принципіально выдержанной революціонно социалистической работы. „Что же, наконецъ, разъединяетъ насъ, соціальдемократовъ различныхъ толковъ и направленій, и сторонниковъ народовольства?"—спрашиваетъ Не-стяжатель

---

*) **Накапунѣ № 30. „По вопросамъ дня".**

въ № 1 „Вѣстника русской Революціи“ и категорически отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „ничто!“. Но что же такое представляетъ собою, спрашиваю я, съ своей стороны, революціонное движеніе, всѣ силы, средства и взаимныя отношенія составныхъ элементовъ котораго всецѣло пріурочены къ одной только задачѣ борьбы съ самодержавіемъ? Такое движеніе можетъ быть либеральнымъ, радикально или умѣренно—демократическимъ, вообще буржуазнымъ, но никакъ не соціалистически-революціоннымъ въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ. Поэтому, по скольку наша революціонная интеллигенція, слѣпо повинуясь „стихійному элементу развитія“, стремится указаннымъ путемъ рѣшить настоятельныя революціонныя задачи переживаемаго нами момента, по стольку она увлекаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго демократизма. И само собою разумѣется, что мы обязаны были бы пойти по этому пути, если бы у насъ другого выхода не было для достиженія нашей ближайшей обще-революціонной цѣли — организаціи дружной атаки на общаго врага. Если бы, ради сплоченія оппозиціонныхъ и ревлюціонныхъ силъ для такой аттаки, необходимо было, чтобы мы, до поры до времени, запрятали наши революціонно-соціалистическія „доктрины“ въ карманъ, или по крайней мѣрѣ игнорировали ихъ въ своей практикѣ, то мы безусловно обязаны были бы принести эту жертву дѣлу свободы. Но тогда ужь не слѣдовало бы намъ, какъ *партіи*, величать себя соціальдемократами или соціалистами-революціонерами.

Но необходимо ли для нашего революціоннаго движенія такое, въ своемъ родѣ, кесарево сѣченіе надъ нимъ? Да и вообще достижимо ли желательное „единеніе“ враговъ самодержавія на той почвѣ, въ той формѣ и тѣмъ путемъ, какіе рекомендуются намъ разными представителями радикальной интеллигенціи! Не является ли вообще утопіей „единеніе“, къ которому они стремятся? При томъ утопіей, зловредной съ точки зрѣнія не только основныхъ задачъ революціоннаго соціализма, т. е. со-

ціальдемократіи, но и общедемократической задачи завоеванія прочной и широкой свободы всему населенію Россіи? Вотъ вопросы, надъ которыми слѣдовало бы серьезно задуматься людямъ, причисляющимъ себя къ поборникамъ революціоннаго соціализма.

Конечной цѣлью указанной тенденіи является созданіе либерально-демократической партіи, какъ объединяющаго и руководящаго центра всѣхъ политически недовольныхъ и протестующихъ элементовъ общества и народа. Съ наибольшей сознательностью, ясностью и опредѣленностью тенденція эта выражена въ „Наканунѣ", и именно въ статьяхъ Серебрякова, редактора этой газеты, выходившей съ января 1899 г. приблизительно до конца прошл.*) года. Серебряковъ—не мимическій, не самозванный народоволецъ, и не только по своимъ задушевнымъ стремленіямъ, но и по всему прошлому своей революціонной дѣятельности, больше кого-либо изъ массы претендентовъ на наслѣдство партіи Народной Воли, имѣетъ право на званіе „соціалиста-революціонера". Вмѣстѣ съ тѣмъ, а быть можетъ, именно вслѣдствіе своего революціоннаго прошлаго, онъ яснѣе и опредѣленнѣе большинства другихъ представителей несоціальдемократической революціонной интеллигенціи ставилъ въ названномъ органѣ вопросы програмнаго и тактическаго характера.

Въ №31-2 „Наканунѣ" онъ напечаталъ проэктъ програмы „боевой партіи", спеціальной задачей которой должна быть борьба „съ самымъ сильнымъ, самымъ организованнымъ врагомъ, съ русскимъ царизмомъ, съ русскимъ самодержавіемъ". И въ этомъ же номерѣ, въ той же статьѣ („Наступающая борьба"), которая посвящена обоснованію этой програмы, мы находимъ отрывокъ изъ статьи ея автора въ первомъ номерѣ этой газеты, также посвященной вопросу о характерѣ и задачахъ революціоной партіи въ современной Россіи. „Боевая партія — сказано въ этомъ отрывкѣ —будетъ со-

*) 1901 г.

ціально-революціонная“ по той причинѣ, что никакія другія направленія не могутъ дать достаточно энергичныхъ элементовъ для инициативы въ борьбѣ“. Спрашивается: въ какомъ именно смыслѣ она „будетъ соціально-революціонная“. Изъ дальнѣйшаго хода мыслей автора ясно видно, что рѣчь идетъ у него не о программѣ и тактикѣ этой партіи, а, если можно такъ выразиться, объ идейномъ происхожденіи или соціально политическихъ симпатіяхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ члены ея будутъ вербоваться. „Никакія другія направленія“, кромѣ тѣхъ, которыя возникли на почвѣ соціально-революціонныхъ тенденцій, не способны вырабатывать контигента борцовъ за свободу, а потому изъ этого резервуара и приходится черпать силы для борьбы съ абсолютизмомъ. Вотъ только въ этомъ именно смыслѣ Серебряковъ и называетъ партію, берущую на себя руководство этой борьбой, соціально-революціонной. Взглядъ его на характеръ программы новой партіи и на отношенія ея къ существующимъ революціоннымъ группамъ и фракціямъ ясно выраженъ имъ въ слѣдующихъ строкахъ.

„Основными ея требованіями будутъ требованія, общія болѣе или менѣе всѣмъ фракціямъ. Программа ея будетъ равнодѣйствующей программъ существующихъ группъ и партій. Партія дѣйствія есть партія временной необходимости, она живетъ не теоріей, а практикой жизни. Она должна имѣть боевую программу для даннаго времени и ясно намѣченныя достижимыя цѣли. По самой своей сущности боевая партія не уничтожитъ существующихъ фракцій, она только объединяетъ ихъ на борьбу. Онѣ — партіи, болѣе или менѣе ближайшаго будущаго, она — партія настоящаго... Тѣ... подготовляютъ почву для торжества своихъ идеаловъ, или, какъ рабочіе союзы, ведутъ экономическую борьбу съ капиталистами и отвоевываютъ себѣ право на существованіе. Боевая партія подводитъ итоги, агитируетъ, нападаетъ на врага, завоевываетъ все возможное, подво-

дитъ окончательный итогъ пережитому и сходитъ со сцены. А потомъ опять начинается работа фракцій, группъ и союзовъ. Боевая партія есть не болѣе, какъ временный союзъ всѣхъ фракцій,— какъ равнодѣйствующая всѣхъ направленій".

Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ только о группахъ и фракціяхъ, выступающихъ подъ флагомъ „соціализма". Но подъ вліяніемъ весеннихъ демонстрацій прошлаго года обнаружились признаки подъема оппозиціоннаго настроенія и духа протеста и въ „обществѣ", т. е. въ либеральныхъ слояхъ. Стало быть, „зарождающаяся боевая партія" должна охватить, обнять въ своей программѣ и эти слои; приведенныя разсужденія должны и на нихъ простираться, программа этой партіи, должна быть, однимъ словомъ, „равнодѣйствующей программъ" не только всѣхъ соціально-революціонныхъ, но и либерально-оппозиціонныхъ группъ и теченій. На этой именно мысли и основана программа Серебрякова. Въ ней отсутствуетъ традиціонное въ нашихъ рев. программахъ указаніе на соціалистич. profession de foi ея составителей и послѣдователей, нѣтъ и намека на „соціалистическій идеалъ", какъ конечную цѣль революціоннаго движенія. Она содержитъ только „требованія", которыя "общи всей оппозиціи и во имя которыхъ она (т. е. оппозиція П. А.) можетъ дѣйствовать солидарно". И это вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія, резюмированной въ вышеприведенныхъ строкахъ. „Политическое и экономическое освобожденіе народа — торжество соціализма" есть „вопросъ отдаленнаго будущаго", новая же партія должна быть исключительно партіей *„настоящаго"* момента, *„равнодѣйствующей всѣхъ направленій"* оппозиціи, выразительницей и представительницей конкретныхъ назрѣвшихъ требованій", общихъ имъ всѣмъ въ настоящее время. А все, что выходитъ изъ рамокъ этихъ требованій, все, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о „торжествѣ соціализма", не должно имѣть мѣста въ программѣ „боевой партіи".

Рядомъ съ ней, продолжаютъ, какъ мы видѣли,

существовать старыя группы и фракціи, занимающіяся тѣмъ, что „подготовляютъ почву для торжества своихъ идеаловъ". Но онѣ являются въ схемѣ Серебрякова децентрализованными кружками, подвластными той партіи, спеціальная задача которой не выходитъ изъ рамокъ „настоящаго", т. е. борьбы съ самодержавіемъ. Не онѣ, а эта *„партія временной необходимости"* „подводитъ итогъ" ихъ революціонной дѣятельности; въ будущемъ имъ предстоитъ вершить судьбы міра, но теперь въ натоящій моментъ, онѣ, какъ носительницы „идеаловъ" соціализма, должны удовлетвориться скромной ролью культурныхъ просвѣтителей, педагоговъ въ штатскихъ школахъ для подготовки рекрутъ для этой партіи, которая является настоящей боевой революціонной арміей, общепризнаннымъ центромъ, объединяющимъ всѣ активные и недовольные элементы подъ своимъ знаменемъ. Однимъ словомъ, историческая миссія революціоннаго авангарда Россіи въ борьбѣ за гражданскую и политическую свободу, вѣроятно, по историческому праву, должна выпасть на долю такой партіи, которая на своемъ знамени не будетъ выставлять задачъ, выходящихъ за предѣлы либерально-революціоннаго демократизма

Далеко не такъ прозрачно, ясно, а главное, не такъ послѣдовательно тенденція эта выступаетъ наружу въ другихъ программахъ и изданіяхъ „соціалистовъ-революціонеровъ". Въ „Вѣстникѣ русской революціи" и „Революціонной Россіи" она пробиваетъ себѣ путь стихійнымъ, безсознательнымъ путемъ, разными закоулками и зигзагами. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Рабочій вопросъ и революція", напечатанной въ № 1 В. Р. Р., идея подчиненія всѣхъ революціонныхъ силъ и политически недовольныхъ массъ гегемоніи особой, внѣ ихъ и надъ ними стоящей, партіи борьбы съ самодержавіемъ развивается подъ видомъ раздѣленія революціонной дѣятельности на двѣ особыхъ категоріи: созидательную и разрушительную. „Созидательная (т. е. пропаганда ученій и „идеаловъ" соці-

алистическихъ П. А.) работа станетъ твердо на почву рабочаго движенія... Разрушительная же работа (спеціально направленная на борьбу противъ самодержавія П. А.) потребуетъ *централизаціи* (курсивъ автора) всѣхъ боевыхъ силъ“ (стр. 260). Т. е. авторъ этихъ строкъ совершенно также, какъ Серебряковъ, предлагаетъ соціалистамъ, какъ *таковымъ*, поскольку они работаютъ для „идеаловъ будущаго“, отказаться отъ сплоченія своихъ силъ въ централизованную боевую партію, объединяющую въ своей дѣятельности преслѣдованіе этихъ идеаловъ съ борьбой за свободу; наобротъ, ихъ силы и дѣятельность должны остаться въ стадіи кружковщины, полной децентрализаціи и кустарничества. Борьба противъ азіатскаго государственнаго строя должна быть выдѣлена подъ названіемъ „разрушительной работы“ въ самостоятельную функцію особой организаціи, и эта то организація должна быть централизованной и поглощать „всѣ боевыя силы“, наиболѣе энергичные, самоотверженные, самостоятельные и инициативные элементы.

Подобно большинству своихъ единомышленниковъ, авторъ цитированной статьи мотивируетъ и обосновываетъ свою программу дѣйствія ссылкой на авторитетъ партіи Народной Воли, непосредственными преемниками и единственными полноправными наслѣдниками которой они себя считаютъ и провозглашаютъ. Въ то же время они дѣлаютъ кое какія отрывочныя заимствованія изъ арсенала идей соціальдемократіи. Но и обрывки народовольчества, и крохи соціальдемократическаго міросозерцанія служатъ въ лагерѣ „соціалистовъ-революціонеровъ“, незамѣтно для нихъ самихъ, логическимъ орудіемъ для устраненія изъ сознанія интеллигенціи всѣхъ идейныхъ препятствій къ образованію единой, нераздѣльной партіи борьбы за политическую свободу. Горячая защита права революціоннаго меньшинства на самоотверженную героическую иниціативу, хотя право это никѣмъ изъ революціонныхъ дѣятелей и писателей не оспаривается; рьяное превознесеніе историческихъ заслугъ

и значенія идеологической интеллигенціи, которую опять таки никто не обижаетъ; идеализація крестьянства, независимо отъ его „соціалистическихъ идеаловъ" и внутренней дифференціаціи, или вѣрнѣе идеализація даже спеціально мелкобуржуазныхъ его слоевъ, далѣе, попытки идеализировать либеральное или прогрессивное общество, пропитанное будто бы соціалистическими тенденціями, наконецъ, стремленіе съузить понятіе „буржуазія" тѣснымъ кругомъ кулаковъ и торговопромышленныхъ капиталистовъ,—таковъ, въ самыхъ общихъ, чертахъ логическій путь, которымъ мысль радикальной интеллигенціи двигается безсознательно впередъ по наклоной плоскости обуржуазиванія освободительнаго движенія Россіи, подготовляя почву для объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ классовъ и слоевъ, въ качествѣ tier état, угнетеннаго „народа", подъ революціонной гегемоніей „партіи настоящаго", которая по своимъ непосредственымъ практическимъ задачамъ явилась бы не болѣе, какъ партіей либерально-демократической. Тѣ самые господа, которые намъ говорятъ „не стоитъ изъ за доктринъ расходиться" и провозглашаютъ своимъ лозунгомъ: „война нетерпимости" (соціальдемократовъ), эти самые господа силятся изъ обрывковъ разныхъ ученій и „доктринъ„ состряпать теорію буржуазно-демократической практики революціоннаго движенія въ Россіи.

Эволюція радикальной интеллигенціи въ этомъ направленіи началась уже въ 80-хъ годахъ, а зародыши ея не трудно открыть въ разногласіяхъ, волновавшихъ революціонную партію въ моментъ распаденія знаменитаго общества „Земля и Воля" на партію „Народная Воля" и организацію „Черный Передѣлъ".

Отъ революціоннаго анархизма къ демократическому либерализму.

(Предисловіе ко второму изданію брошюры Мартова: „Красное Знамя“.)

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“ — вотъ слова, которыя невольно приходятъ на память, когда сопоставляешь состояніе русскаго соціаль-демократическаго движенія въ настоящій моментъ съ его состояніемъ въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго изданія предлагаемаго труда. Въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій другъ отъ друга эти моменты, физіономія и характеръ нашего движенія измѣнились до неузнаваемости; правда, оно еще очень далеко отъ той идеальной высоты, на которую оно должно подняться, чтобы стоять вполнѣ на уровнѣ своихъ историческихъ задачъ. Но отъ нѣкоторыхъ изъ недостатковъ, сопровождавшихъ его дѣтство оно, можно сказать, радикально избавилось.

Здѣсь я считаю нужнымъ спеціально отмѣтить, что тѣ отрицательныя черты въ немъ, на которыя я указывалъ въ своемъ предисловіи къ первому изданію настоящей брошюры, отошли въ вѣчность, такъ что представить себѣ даже трудно, что онѣ такъ недавно еще являлись характерными для него. Чистѣйшимъ анахронизмомъ оказывается теперь, поэтому, мое указаніе на такое явленіе въ нашемъ лагерѣ, какъ „огульное отрицательное отношеніе къ революціонному движенію 70 годовъ!“ И такимъ же явнымъ анахронизмомъ является то соображеніе, которымъ я въ своемъ первомъ предисловіи мотивировалъ важность установленія генетической связи нашего движенія съ предшествовавшимъ ему народническимъ и „оживленія“, такимъ путемъ, въ умахъ героическихъ преданій нашей революціонной „старины“.

Отношеніе массы русскихъ соціаль-демократовъ

къ классической эпохѣ народничества теперь, по существу, такое же, какое было съ самаго начала у группы „Освобожденіе труда“. Отвергая теоретическія основы народническаго соціализма и относясь вполнѣ критически къ его программамъ, поскольку онѣ несовмѣстимы съ классовыми интересами пролетаріата и непригодны для рѣшенія историческихъ задачъ, выдвинутыхъ на очередь самимъ ходомъ революціоннаго движенія въ эпоху 70 годовъ, русскіе соціаль-демократы, можно сказать, единогласно, или почти единогласно, признаютъ теперь огромное историческое значеніе этой эпохи въ двоякомъ отношеніи: какъ кульминаціоннаго, героическаго фазиса въ самостоятельномъ, фактически изолированнномъ отъ широкихъ общественныхъ массъ, революціонномъ движеніи демократической интеллигенціи, съ одной стороны, и какъ подготовительной стадіи въ процессѣ выработки элементовъ для возникновенія движенія соціаль-демократическаго, съ другой. Живое сознаніе преемственной связи нашей партіи съ ея народническими предшественниками стало всеобщимъ въ ея средѣ послѣ того, какъ она выступила на широкую арену непосредственно политической борьбы и революціонный, т. е. подлинный марксизмъ вытѣснилъ въ ней господство оппортунистическихъ и иныхъ фальсификацій нашихъ ученій. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и соціальными остатками крѣпостнической эпохи общность ближайшихъ историческихъ задачъ у нея и у ея революціонныхъ предшественниковъ бросается само собою въ глаза. Но *теоретическое* сознаніе и пониманіе необходимости этой борьбы, въ *интересахъ пролетаріата*, даются именно марксизмомъ. Исходя изъ его ученій, группа „Освоб. Тр.“ при самомъ вступленіи своемъ въ жизнь, провозгласила ближайшей исторической миссіей передовыхъ элементовъ русскаго пролетаріата осуществленіе общедемократическихъ задачъ, оказавшихся не подъ силу радикальной интеллигенціи. И систематическая, страстная работа надъ выполненіемъ этой миссіи занимаетъ теперь центральное

мѣсто и играетъ роль жизненнаго нерва въ повседневной практикѣ нашего движенія.

При такомъ характерѣ и направленіи дѣятельности русской соціаль-демократіи лишается всякой реальной подкладки и всякаго реальнаго значенія мысль объ оживленіи славныхъ традицій героической эпохи, въ *интересахъ борьбы* съ *антиреволюціонными* тенденціями внутри и на периферіи нашего движенія. Такимъ тенденціямъ нѣтъ мѣста въ атмосферѣ страстной политической борьбы. Попытки, подъ флагомъ „чисто рабочаго движенія“, совратить его съ революціоннаго пути, предпринимаются теперь только полицейскими демагогами, въ непосредственныхъ интересахъ реакціонной клики. Но для борьбы съ полицейской демагогіей и съ приспособленнымъ къ ея цѣлямъ трэдъюніонизмомъ нѣтъ никакой надобности въ „оживленіи героическихъ преданій“ народническаго періода. Соціаль-демократія не нуждается въ ихъ помощи для этой цѣли по той простой причинѣ, что у ней самой достаточно силъ и средствъ, чтобы успѣшно бороться съ зубатовскими агитаторами: борясь съ политическими и экономическими угнетателями народныхъ масъ, она тѣмъ самымъ распространяетъ и поддерживаетъ въ нихъ революціонный духъ, развиваетъ энергію, революціонный идеализмъ и боевую предпріимчивость въ своихъ собственныхъ рядахъ и создаетъ собственныя традиціи героизма, самоотверженности и т. п. Вообще, въ борьбѣ со всякаго рода элементами, вліяніями и тенденціями, враждебными революціонному развитію нашего пролетаріата, мы можемъ смѣло опереться на внутреннія, органическія силы нашей собственной партіи. Это, конечно, нисколько не ослабитъ ея признательности и глубокаго уваженія къ именамъ славныхъ борцовъ умершей революціонной эпохи, точно такъ, какъ успѣхи западной соціаль-демократіи не мѣшаютъ ей поддерживать и развивать въ пролетаріатѣ сознаніе великаго историческаго значенія революціонныхъ движеній эпохи, предшествовавшей на западѣ самостоятельному выступленію его на историческую арену, и

указывать ему на великія заслуги передъ человѣчествомъ героевъ и вождей этихъ движеній.

Центральный пунктъ въ моемъ первомъ предисловіи составляетъ вопросъ о причинахъ, по которымъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ возникновенія и развитія соціаль-демократическаго движенія въ Россіи являлась радикальная *теоретическая* революція въ головахъ демократической интеллигенціи, *радикальное* разрушеніе ея стараго общественнаго *міросозерцанія* во имя марксистскаго.

Какъ на главнѣйшую изъ этихъ причинъ, я указалъ на принципіальную разницу въ исторической подкладкѣ, въ характерѣ и содержаніи между новымъ и старымъ революціоннымъ движеніемъ. Являясь соціалистическимъ по своей окраскѣ, по стремленіямъ, конечнымъ идеаламъ и фразеологіи, движеніе 60 и 70 г.г., по своему реальному общественному содержанію и исторической тенденціи, было, тѣмъ не менѣе, движеніемъ буржуазнымъ, разумѣется, демократическимъ *). И основной чертой его является внутренній, органическій, *теоретически* непримиримый, антагонизмъ между его идейной оболочкой и реальнымъ содержаніемъ, между субъективной и объективной его стороной. Само собою разумѣется, антагонизмъ этотъ долженъ былъ давать себя чувствовать на каждомъ шагу и вызывать въ революціонной интеллигенціи стремленіе и попытки такъ или иначе избавиться отъ него, тѣмъ или инымъ путемъ приспособить свою программу къ насущнымъ потребностямъ Россіи и

*) „Въ Россіи, путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ соціальдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ ея основныхъ объективныхъ задачъ и тенденцій и тѣхъ, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго соціализма на русской почвѣ. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія“, „внутренняя органическая (а не субъективная), если можно такъ выразиться, тенденція“, котораго „приблизительно такъ же далека была отъ соціализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соотвѣтствующія эпохи ихъ исторіи“. Предисловіе къ первому изданію стр. VI.

привести свои теоріи въ гармонію съ потребностями дѣйствительности.

Русская соціаль-демократія зародилась на почвѣ и какъ продуктъ стремленій и попытокъ въ этомъ направленіи. Но — a priori ясно, что всякіе другіе пути къ устраненію указаннаго противорѣчія съ логической необходимостью должны были вести къ тому, что революціонное движеніе пропитывалось буржуазными тенденціями и въ субъективномъ смыслѣ. Процессъ водворенія гармоніи между революціонной идеологіей и властными, стихійными требованіями жизни неизбѣжно долженъ былъ совершаться на счетъ соціалистическихъ элементовъ этой идеологіи — путемъ ослабленія или даже умиранія соціалистически - революціонныхъ стремленій въ радикальной интеллигенціи и выбрасыванія за бортъ изъ ея практическихъ „идеаловъ" всего того, что слишкомъ удалялось отъ историческихъ злобъ дня.

Этой стороны въ эволюціи народническаго движенія я въ первомъ предисловіи не касался. Теперь я считаю своевременнымъ и умѣстнымъ указать и на нее.

Въ прессѣ нашихъ противниковъ, провозглашающихъ себя единственными полноправными наслѣдниками классической эпохи народничества, результаты упомянутаго процесса преподносятся намъ, какъ „наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ", и въ той же прессѣ насъ обвиняютъ въ злостныхъ посягательствахъ на это „наслѣдство"*). Не безполезно, поэтому, бросить бѣглый взглядъ на его происхожденіе и соціальный характеръ.

Высшей точки развитія своихъ соціалистически-революціонныхъ стремленій интеллигенція народнической эпохи достигла въ началѣ 70 годовъ, въ періодъ мирной пропаганды и массоваго пилигримства „въ народъ". Но этотъ же періодъ характеризуется и наиболѣе полной оторванностью революціонныхъ элементовъ отъ дѣйствительности, съ ея насущными потребностями, наиболѣе сильнымъ

---

*) „Къ крестьянскому вопросу" А. Рудина. Въ № 3 „Вѣст. Р. Р.,

разладомъ между соціалистическими „идеалами“ и настроеніемъ радикальной интеллигенціи съ одной стороны, и историческими задачами, вызвавшими ее на общественную арену, — съ другой.

Главнѣйшей изъ этихъ задачъ являлась организація народныхъ силъ для радикальнаго освобожденія Россіи отъ соціальнаго и политическаго наслѣдія эпохи крѣпостного права. Революціонная же доктрина требовала сосредоточенія всѣхъ силъ на подготовленіи соціальной революціи — и, во имя, въ интересахъ этой революціи, безусловно осуждала всѣ программы, отводящія центральное и вобще самостоятельное мѣсто цѣлямъ и задачамъ либерально-демократическаго свойства. Въ теоріи и въ своемъ воображеніи революціонная интеллигенція поднималась высоко надъ земной дѣйствительностью родной страны, увлекаясь грандіозной, непосредственно предстоящей перспективой полнаго разрушенія государства и всякихъ основъ соціальнаго неравенства. Какъ мизерна должна была казаться съ этой высоты дѣятельность, направленная на завоеваніе политической свободы и уничтоженія остатковъ сословнаго неравенства! И не только мизерна, но и преступна, потому что отвлекала бы живыя, революціонныя силы на путь, ведущій къ господству капитализма и буржуазіи, а не къ предотвращенію ихъ торжества.

Желябовъ характеризовалъ этотъ періодъ русскаго революціоннаго движенія словами: „Въ нашей дѣятельности была юность розовая, мечтательная“. Увы! прибавлю отъ себя: и весь соціализмъ нашъ того времени былъ какой то „мечтательный“, не смотря на его ультра-революціонную фразеологію. И революціонное движеніе именно постольку и носило тогда „чисто“-соціалистическій характеръ (въ смыслѣ утопическаго революціоннаго соціализма), по скольку радикальная интеллигенція, увлекаемая сильно приподнятымъ идеалистическимъ настроеніемъ, уносилась воображеніемъ въ воздушныя сферы грандіознаго соціальнаго переворота, для котораго исторія еще не подготовила никакихъ элементовъ на русской почвѣ.

Но если мы отъ настроенія и „идеаловъ“ періода „юности“ движенія 70 годовъ обратимся къ ученіямъ и практическимъ цѣлямъ „русскаго соціализма“ того времени, то увидимъ, что оно уже въ своемъ абстрактно-идеалистическомъ фазисѣ заключало въ себѣ и субъективные элементы или зародыши развитія въ буржуазно-демократическомъ направленіи. „Русскій соціализмъ“ не могъ не заключать въ себѣ элементовъ буржуазно-революціонной идеологіи — съ перваго дня своего рожденія, по той простой причинѣ, что онъ началъ вылупливаться изъ-подъ оболочки западнаго утопическаго соціализма въ то время, когда въ Россіи еще царилъ и опредѣлялъ задачи революціонной партіи не классовой антагонизмъ пролетаріата и буржуазіи, а *сословный* антагонизмъ крестьянства съ дворянствомъ и самодержавной бюрократіей. Приспособить соціалистическія ученія запада къ русской дѣйствительности, значило наполнить ихъ другимъ, принципіально отличнымъ общественнымъ содержаніемъ: мѣсто пролетаріата должно было занять крестьянское сословіе, а обобществленіе средствъ производства должно было быть замѣнено отобраніемъ земель у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ, какъ ближайшею, непосредственной цѣлью революціоннаго движенія. Соціалистическую революцію въ производственныхъ отношеніяхъ „русскому соціализму“ пришлось замѣнить аграрной революціей съ цѣлью „справедливаго“ передѣла и раздѣла земельной собственности. Теоретически или точнѣе, въ фантазіи радикальной интеллигенціи, эта аграрная революція являлась непосредственнымъ прологомъ или даже началомъ полнаго или всесторонняго соціалистическаго переворота. Надежды эти, какъ извѣстно, основывались на идеализаціи крестьянства и общины въ соціалистическомъ смыслѣ. Соотвѣтственное превращеніе претерпѣло въ русскомъ соціализмѣ и извѣстное положеніе Интернаціонала: „Освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ“. У насъ это положеніе выдоизмѣнилось въ соціально-неопредѣленный, расплывчатый, общедемо-

кратическій лозунгъ: „Освобожденіе народа должно быть дѣломъ самаго народа“; или: Освобожденіе крестьянства должно бѣть дѣломъ самаго крестьянства, организованнаго въ самостоятельную революціонную силу. И послѣ первыхъ же попытокъ осуществить этотъ лозунгъ на практикѣ начался періодъ соціалистическаго грѣхопаденія революціонной интеллигенціи народнической эпохи.

„Летучая пропаганда“ показала необходимость прочно „осѣсть“ въ деревнѣ, войти цѣликомъ въ среду ея повседневныхъ нуждъ и интересовъ и на нихъ основать революціонную дѣятельность въ крестьянствѣ. Затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ деревней, революціонеры убѣдились въ томъ, что бездомные батраки-пролетаріи не пользуются и не могутъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ деревенской массы, привыкшей, какъ отмѣчаетъ авторъ неизданныхъ воспоминаній *), „почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность“. Слѣдовательно, для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе, уваженіе и вліяніе въ крестьянствѣ, революціонной партіи необходимо было, во-первыхъ, своимъ агитаторамъ и пропагандистамъ дать возможность устраиваться въ деревняхъ „хозяйственнымъ образомъ“, а во-вторыхъ, при посредствѣ своихъ членовъ, устроившихся тамъ такимъ образомъ, опереться на „мѣстныя“ и общія нужды, потребности и интересы именно домовитыхъ экономически самостоятельныхъ массъ крестьянства, однимъ словомъ, слить революціонное движеніе съ соціальными стремленіями и чаяніями среднихъ, яснѣе говоря, мелкобуржуазныхъ слоевъ крестьянскаго сословія.

Попытки бунтарей упрочиться въ деревнѣ предпринимались, какъ извѣстно, въ теченіе слишкомъ незначительнаго періода, чтобы указанная тактика могла быть вполнѣ сознательно и систематически примѣнена на практикѣ и проявить въ дѣйствительности свою „конечную“ соціально-политическую тенденцію, сводившуюся къ тому, чтобы вос-

*) „Общество Земля и Воля“. Е. А. Серебрякова, стр. 17.

питать и подготовить средніе или мелко-буржуазные слои деревни къ роли революціоннаго авангарда своего сословія въ борьбѣ за его окончательное освобожденіе отъ его безправнаго состоянія. Но тактика эта теоретически оправдывалась отношеніемъ „русскаго соціализма“ къ нашему крестьянству, какъ къ соціально-экономически однородному классу, исторически призванному водворить царство всеобщаго равенства и свободы въ Россіи, и — принимая во вниманіе, сравнительно слабое разслоеніе деревни и отсутствіе революціонно-активнаго пролетаріата въ то время — фактически не шла въ разрѣзъ съ интересами наиболѣе обездоленныхъ, забитыхъ и приниженныхъ массъ крестьянскаго сословія, а, наоборотъ, совпадала съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, что значила разница въ экономическомъ положеніи хозяйственно-самостоятельныхъ и даже *относительно* зажиточныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и хотя бы даже и бездомныхъ батраковъ, съ другой, что значило соціальное разстояніе между этими элементами крестьянства — по сравненію съ антагонизмомъ этого сословія, какъ цѣлаго, противъ всякаго рода „пановъ или привилегированныхъ слоевъ?“ Невыносимыя податныя тягости, чиновничій произволъ, гнетъ землевладѣльческаго дворянства, удержавшаго въ своихъ рукахъ лучшія земли, малоземелье, порабощеніе государствомъ и безпощадная эксплуатація со стороны деревенскихъ и иныхъ капиталистическихъ хищниковъ, покровительствуемыхъ и поддерживаемыхъ начальствомъ — все это объединяло и объединяетъ еще огромное, подавляющее большинство сельскаго населенія въ одно сословіе, солидарное въ своихъ страстныхъ мечтаніяхъ объ освобожденіи отъ своего безправнаго состоянія и въ чаяніи поживиться (царской милостью) на счетъ помѣщичьихъ земель. Народническій девизъ „Земля и Воля“ обобщилъ въ революціонную формулу потребности, стремленія и „идеалы“, общіе крестьянскимъ массамъ, независимо отъ разницы въ хозяйственной самостоятельности ихъ составныхъ элементовъ. А такъ какъ настоящими, заправскими

представителями крестьянства, способными выдѣлять изъ себя „умственныхъ“ общественно вліятельныхъ „мужиковъ“, являются средніе слои его, то a priori ясно, что народникамъ на нихъ то именно и пришлось бы обратить свое главное вниманіе. Логика отсталыхъ общественныхъ отношеній деревни и теоретическихъ посылокъ „русскаго соціализма“ должна была привести ихъ къ тому, чтобы признать эти слои естественными, исторически призванными выразителями интересовъ трудящихся массъ вообще, избрать ихъ главнымъ операціоннымъ базисомъ для революціонной партіи и, исходя изъ ихъ нуждъ и потребностей, изъ „мѣстныхъ интересовъ“, *ими* сознаваемыхъ, систематически работать надъ возвышеніемъ ихъ до роли общенароднаго революціоннаго авангарда.

Бунтарское народничество является первымъ этапомъ на пути къ освобожденію нашего революціоннаго движенія отъ принципіальнаго противорѣчія между его субъективной и объективной стороной, между заимствованными на западѣ соціалистическими идеалами и стремленіями, воодушевлявшими революціонную интеллигенцію, и дѣйствительнымъ, національно-историческимъ или общественнымъ содержаніемъ этого движенія. Весьма характерно рѣзко отрицательное, а вѣрнѣе, пренебрежительное отношеніе практиковъ-народниковъ къ теоріямъ, къ „чистой доктринѣ“, не смотря на то, что они сами стояли на почвѣ революціонной доктрины „русскаго соціализма.“ Факты и наблюденія, почерпнутыя изъ хожденія въ народъ, говорилъ Квятковскій на судѣ, „послужили къ выработкѣ новой программы дѣятельности, основанной уже не на данныхъ теоретическаго характера, а живыхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью народа“. Еще рѣзче подчеркнулъ это противопоставленіе народниками своей „программы дѣятельности — теоріи, „доктринѣ“, Желябовъ въ своей рѣчи на судѣ. „Мы рѣшились дѣйствовать, говорилъ онъ, во имя сознанныхъ народомъ интересовъ, уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни,

имъ самимъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ, и держалось почвы — это основная черта народничества". Но эта „основная черта" не только не противорѣчила принципіально „широкой доктринѣ" „русскаго соціализма" вообще и бакунизму въ особенности, но наоборотъ, логически вытекала изъ нея, требовалась и обусловливалась ею. Газета „Земля и Воля", органъ бунтарей, прекрасно обосновывала и пропагандировала народническую программу, ни на іоту не отступая отъ точки зрѣнія или отъ „чистой доктрины" бакунизма. Но въ томъ-то и дѣло, что протестъ народниковъ противъ „теоріи", въ дѣйствительности, выражалъ стремленіе освободить революціонное движеніе, или точнѣе, революціонную интеллигенцію изъ-подъ власти „соціалистическихъ идеаловъ", въ ихъ подлинномъ, западноевропейскомъ смыслѣ.

Въ періодъ „розовой мечтательной юности", на зарѣ народническаго движенія, мысль о крестьянскомъ возстаніи и его подготовленіи сливалась въ умахъ радикальной интеллигенціи съ увѣренностью въ близости соціальной революціи на западѣ, которая не оставитъ камня на камнѣ въ его общественномъ зданіи и въ короткій періодъ водворитъ тамъ царство всеобщаго равенства, братства и свободы. И на русскую революцію мы невольно смотрѣли подъ угломъ зрѣнія непосредственно предстоявшей, какъ мы думали, западной соціалистической революціи. Подъ вліяніемъ опьяняющей революціонной фразеологіи тогдашней нелегальной печати, въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, появленіемъ и быстрыми успѣхами Интернаціонала, и временнымъ господствомъ возставшаго въ Парижѣ пролетаріата надъ столицей Франціи, подъ вліяніемъ, наконецъ, своего собственнаго приподнятаго революціонно-идеалистическаго настроенія, житейски и политически неопытная демократическая молодежь рисовала себѣ въ своей фантазіи наше крестьянское возстаніе, какъ начало или непосред-

ственный прологъ совершенно такой же соціалистической революціи въ Россіи, къ какой бакунисты призывали пролетаріатъ на западѣ. Съ этимъ настроеніемъ и съ *этой* соціально-революціонной перспективой задачи, выдвигавшіяся передъ революціонерами народнической практикой, стояли, дѣйствительно, въ принципіальномъ противорѣчіи. Отказываясь отъ непосредственнаго подготовленія соціалистическаго переворота (въ смыслѣ западнаго утопически-революціоннаго соціализма) въ пользу революціи чисто аграрной, подготовляемой агитаціей „во имя интересовъ, присущихъ сознанію" фактически или потенціально вліятельныхъ, мелкобуржуазныхъ элементовъ крестьянства, народники фактически выбрасывали изъ практики революціоннаго движенія „соціалистическіе идеалы", въ интересахъ приспособленія программы движенія къ властнымъ запросамъ (буржуазнымъ) русской дѣйствительности. До тѣхъ поръ, пока мысль или, по крайней мѣрѣ, воображеніе радикальной интеллигенціи находилось въ плѣну у западнаго утопическаго соціализма, съ его стремленіями, идеалами, надеждами и перспективами, онъ являлся на русской почвѣ безплотнымъ идеаломъ, съ которымъ и во имя котораго можно было кое какъ висѣть въ соціально безвоздушномъ пространствѣ въ качествѣ революціонно-настроенныхъ сектантовъ, но никакъ нельзя было вызвать къ жизни широкаго народнаго движенія. Оставалось одно: предоставить болѣе или менѣе далекому будущему заботу о „конечныхъ" идеалахъ, а въ настоящее время обратиться къ непосредственно осуществимымъ задачамъ, хотя бы онѣ и противорѣчили „чистой доктринѣ" *соціализма.* Такова была истинная подкладка и дѣйствительный, принципіальный смыслъ отрицательнаго отношенія практиковъ народничества къ программѣ, основанной „на данныхъ теоретическаго характера". Желябовъ, повидимому, сознавалъ это или, по крайней мѣрѣ чувствовалъ. „Считая", говорилъ онъ, невозможнымъ „провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣлостью, соціалисты перешли къ народникамъ".

„Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе во имя интересовъ, присущихъ его сознанію". А интересы эти ничего общаго съ „соціалистическими" не имѣли и не имѣютъ.

Если бы народникамъ удалось на долго водвориться въ деревнѣ и вызвать тамъ массовое движеніе, то оно собственнымъ развитіемъ толкнуло бы ихъ на путь систематической борьбы съ абсолютизмомъ и довело бы процессъ превращенія „русскаго соціализма" въ буржуазно-демократическую идеологію до его логическаго конца. Но еще прежде, чѣмъ піонеры бунтарскаго народничества успѣли укрѣпиться въ деревнѣ и заявить себя борьбой за ея „интересы", въ городѣ возникло движеніе, которое непосредственнѣе и гораздо быстрѣе эволюціонировало въ этомъ направленіи. Здѣсь правительственныя репресаліи противъ революціонеровъ и ихъ главнаго резерва — студенческой молодежи — очень скоро привели къ тому, что низверженіе самодержавія стало для радикальной интеллигенціи „непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью". Но эта потребность революціонныхъ и либеральныхъ элементовъ буржуазіи стояла уже въ *принципіальномъ* противорѣчіи съ самой доктриной русскаго соціализма, осуждавшей борьбу за конституцію во-первыхъ, во имя анархическаго идеала, а во-вторыхъ, въ интересахъ предохраненія Россіи отъ торжества капитализма въ ней. И еще одно препятствіе принципіальнаго свойства заключалось въ „чистой доктринѣ" для провозглашенія борьбы съ абсолютизмомъ главной задачей революціонной партіи. Доктрина эта, и въ лицѣ Бакунина, и въ лицѣ Лаврова съ его сотрудниками во „Впередѣ", признавала, какъ своего рода соціально-революціонную аксіому, какъ соціалистически революціонное Credo, что, говоря словами Мышкина въ процессѣ 193, „революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при *сознаніи имъ*, во имя чего она совершается, (курсивъ мой) и что, поэтому, „настоящій государственный строй долженъ быть ниспроверженъ

только тогда, когда этого пожелаетъ самъ народъ" (курсивъ мой). Но для „народа" политическая свобода въ то время еще не являлась „сознаваемымъ интересомъ", а потому бороться за нее приходилось не иначе, какъ силами одной только интеллигенцiи, опираясь на активное и платоническое сочувствiе „общества", не дожидаясь, пока народъ самъ „пожелаетъ" начать эту борьбу.

Какъ извѣстно, одна часть народниковъ, именно та, которая сгруппировалась въ организацiи „Чернаго Передѣла", осталась вѣрна „чистой доктринѣ" въ указанныхъ пунктахъ, другая, — образовавшая партiю „Народная Воля", — перешагнула черезъ принципiальную пропасть, отдѣлявшую „русскiй соцiализмъ" отъ чисто политической задачи борьбы за конституцiю. „Мы признаемъ", заявилъ Желябовъ на судѣ, „что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общiе интересы . . . Мы — не анархисты". Затѣмъ, что касается точки зрѣнiя „чистой доктрины" на революцiонную борьбу вообще и политическую въ частности, то ей противопоставлено было извѣстное заявленiе: „вести теперь пропаганду въ народѣ все равно, что биться, какъ рыба объ ледъ". Наконецъ, относительно отсрочки работы въ пользу соцiальной революцiи, ради борьбы съ самодержавiемъ, партiя „Народной Воли" утѣшала себя и своихъ приверженцевъ перспективой „мирной пропаганды своихъ идей, мирной организацiи своихъ сторонниковъ" послѣ низверженiя абсолютизма *).

Фактически, партiя „Н. В." порывала, такимъ образомъ, съ тѣмъ, что составляло самую сущность, духъ „русскаго соцiализма", и связывало его, правда, при помощи иллюзiи — съ утопическимъ революцiоннымъ соцiализмомъ западнаго пролетарiата. Сущностью этой являлось стремленiе спасти Россiю отъ

---

*) Слова Желябова. Въ письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ заявлялъ, что „организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насилiе".

„ига капитализма“ посредствомъ соціальной революціи, подготовленной соціалистической интеллигенціей, путемъ организаціи активныхъ элементовъ крестьянства въ боевую, соціально-революціонную партію. Подготовленіе крестьянства къ той революціи, которая, по теоріи русскаго соціализма, введетъ русскій народъ прямо въ царство соціалистическаго равенства и братской солидарности, являлась, въ теоріи, самодовлѣющей задачей народничества. Откладывая этузадачу на будущее время, когда самодержавіе будетъ уже низвергнуто, партія „Н. В.“ тѣмъ самымъ отказывалась отъ завѣтной идеи народничскаго движенія, практически разрывала идейную связь его съ западнымъ соціализмомъ и — если оставить въ сторонѣ пожеланія и надежды соціалистическаго характера — создавала революціонную „программу дѣятельности“, по существу, либерально-демократическую.

Но на этой позиціи она очень недолго продержалась. „Чистая доктрина“, осуждавшая борьбу за конституцію, во имя соціальной революціи или соціализма, еще не потеряла своей власти — надъ мыслью и, если можно такъ выразиться, надъ соціальной совѣстью радикальной интеллигенціи — и съ этимъ фактомъ нельзя было не считаться. И уже со второго номера, органъ „политиковъ“, „Н. В.“ начинаетъ поворачивать въ сторону „соціальной революціи“. Но только съ другого конца. Не крестьянское возстаніе повлечетъ за собою паденіе абсолютизма, какъ неизбѣжное слѣдствіе и частный эпизодъ въ крушеніи всего современнаго общественнаго зданія, а, наоборотъ, за побѣдой интеллигенціи надъ правительствомъ неизбѣжно тотчасъ послѣдуютъ крестьянское возстаніе и соціальая революція. Исходнымъ пунктомъ и рычагомъ соціальной революціи долженъ явиться политическій переворотъ, а не наоборотъ, какъ требовала теорія народничества. Обезпеченіемъ же такого исхода для движенія, которымъ руководила партія „Н. В.“ долженъ былъ служить временный захватъ ею въ свои руки государственной власти. Этимъ спасена была иллюзія непосред-

ственной соціалистичности этого движенія, но за то внесена была неясность въ постановку вопроса о борьбѣ съ самодержавіемъ.

Завоеваніе возможно болѣе демократической конституціи, такова должна была быть, по мнѣнію Желябова, задача революціонной партіи. Въ органѣ же и въ программѣ „Н. В." оффиціально, задача эта начала сливаться съ идеей перескока Россіи, помимо капитализма, въ царство соціализма, и снова терять, такимъ образомъ, свое самостоятельное значеніе. Желябовъ, въ виду обезпеченія и пріобрѣтенія поддержки для партіи со стороны демократическихъ элементовъ общества, высказывался очень рѣзко противъ бунтарской тактики въ деревнѣ и фабричнаго террора и очень опасался крестьянскихъ бунтовъ, а тѣмъ болѣе серьезныхъ возстаній. Я говорю это на основаніи личныхъ бесѣдъ съ нимъ. Нужно ли еще доказывать, что, воскрешая въ своей прессѣ призраки аграрной революціи, съ придаткомъ, въ видѣ „системы мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики", партія „Н. В." оффиціально, по крайней мѣрѣ, существенно расходилась съ программой и тактической точкой зрѣнія Желябова.

Въ народолюбіи и сочувствіи соціалистическимъ идеаламъ онъ, разумѣется, никому изъ русскихъ революціонеровъ не уступалъ. Но онъ превосходилъ большинство своихъ товарищей своимъ политическимъ смысломъ и чутьемъ. А потому онъ склонялся къ болѣе ясной постановкѣ вопроса о непосредственныхъ задачахъ и тактикѣ революціонной партіи. Но программа и тактика, основанныя на практическомъ разрывѣ съ мыслью объ аграрной революціи и на временномъ (до паденія самодержавія) отказѣ отъ всякихъ заботъ о соціализмѣ, означали бы, что фактически революціонное движеніе стало уже просто либерально-демократическимъ.

Тенденція, представителемъ которой былъ Желябовъ, въ періодъ господства партіи „Н. В." не получила программнаго выраженія и не обособилась въ самостоятельное теченіе, а, наоборотъ, частью

мирно уживалась, частью сталкивалась внутри партіи съ противоположной тенденціей связать политическую борьбу съ перспективой аграрной революціи, какъ неизбѣжнаго слѣдствія и спутника паденія абсолютизма... И не только въ головахъ разныхъ членовъ партіи, но и въ однихъ и тѣхъ же индивидуумахъ обѣ эти тенденціи болѣе или менѣе мирно уживались другъ съ другомъ. Это объясняется, въ значительной мѣрѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ стремленіе революціонной интеллигенціи остаться вѣрной соціально-революціонной цѣли народничества было плодомъ разсудочнаго, „доктринерскаго“ консерватизма, своего рода данью со стороны соціалистической совѣсти этой интеллигенціи своимъ „идеаламъ,“ борьба за политическую свободу являлась для нея весьма интенсивной, „непосредственно ощущаемой и сознаваемой потребностью.“ Подобное же, по существу, резонерски или доктринерски холодное отношеніе къ своей соціально-революціонной миссіи преобладало и у большинства той части радикальной интеллигенціи, которая группировалась вокругъ общества „Черный Передѣлъ“ и считала себя сторонницей ортодоксальнаго народничества. Прежняго соціально-революціоннаго энтузіазма и прежней вѣры въ крестьянство и въ этомъ лагерѣ не было замѣтно.

Народническая эпоха оставила, такимъ образомъ, соціальдемократическому періоду въ наслѣдство: во-первыхъ, воспоминаніе*) объ ортодоксальномъ народничествѣ, совсѣмъ отрицавшемъ законность борьбы съ самодержавіемъ, какъ самостоятельной, а тѣмъ болѣе, главной задачи революціонной партіи; во-вторыхъ, программу партіи „Н. В.“, основанную на эклектическомъ, внѣшнемъ или механическомъ соединеніи задачи низверженія абсолютизма съ народнической иллюзіей предохраненія Россіи отъ капитализма при помощи аграрной революціи; въ-третьихъ, тенденцію нѣкоторой части ра-

*) Говорю: „воспоминаніе“ потому, что ко времени появленія соціальдемократіи бунтарское народничество не существовало уже, какъ самостоятельное теченіе.

дикальныхъ элементовъ совсѣмъ принести въ жертву соціально-революціонныя задачи и вообще соціалистическія стремленія революціонной интеллигенціи дѣлу завоеванія политической свободы. Соціально - революціонный элементъ въ программѣ партіи грозилъ заслонить собою злободневную задачу борьбы съ абсолютизмомъ и даже воскресить, если не къ новой жизни, то для прозябанія, народническіе предразсудки противъ буржуазной конституціи и буржуазнаго парламентаризма; стремленіе же совсѣмъ очистить программу и тактику движенія отъ соціально-революціонныхъ примѣсей грозило превратить революціонную партію въ чисто либерально-буржуазную. Но, какъ показала дальнѣйшая эволюція революціонной мысли въ сторону либерализма (припомните газеты: „Самоуправленіе" и „Свобод. Россію", однимъ изъ редакторовъ которой былъ Бурцевъ), усвоеніе либеральной программы нашимъ освободительнымъ движеніемъ явилось бы еще большимъ тормазомъ для борьбы съ абсолютизмомъ, чѣмъ торжество бланкистскаго народничества, пропагандировавшагося Тихомировымъ блаженной памяти въ „Вѣстн. Н. В.". Подобно народникамъ, представители либеральнаго теченія въ нашемъ освободительномъ движеніи проникнуты были предразсудкомъ, что борьба за свободу есть главнымъ образомъ дѣло „образованныхъ классовъ и общества", а отнюдь не народныхъ массъ. Одинъ изъ представителей этого теченія написалъ осенью 1881 г. въ газетѣ „Вольное Слово" статью спеціально въ защиту этого взгляда, въ которой доказывалъ, что „все должно дѣлаться для народа, но только посредствомъ наиболѣе заинтересованной части народа",*) которой въ данномъ случаѣ является демократическая интеллигенція. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ фантазіяхъ на счетъ завоеванія конституціи безъ активнаго участія народныхъ массъ роль главнаго героя играла уже не одна

*) Если память меня не обманываетъ, статья почти такими словами и озаглавлена была. Въ отвѣтъ на нее я написалъ большую статью, подъ заглавіемъ: „Все для народа *посредствомъ* народа".

только демократическая интеллигенція, но и либерально настроенные слои высшихъ классовъ вообще. Либеральничавшіе фантазеры этого пошиба отрицательно относились къ мысли о политической агитаціи въ народныхъ массахъ не въ силу однихъ только предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ народническаго періода, но и по чисто буржуазно-оппортунистическимъ соображеніямъ объ опасностяхъ, связанныхъ для спокойствія имущихъ и „образованныхъ классовъ", съ появленіемъ этихъ массъ на революціонной аренѣ.

Опираясь на ученія Маркса и Энгельса, русская соціальдемократія освободила русскую революціонную мысль отъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась, оставаясь въ кругу народническихъ идей; въ ученіяхъ научнаго соціализма соціальдемократы нашли ключъ къ рѣшенію тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые выдвинуты были на очередь ходомъ революціоннаго движенія подъ флагомъ народническаго соціализма, но рѣшить которые онъ оказался органически неспособнымъ. Этимъ самымъ они вывели обезсиленное ударами реакціи и внутренними идейными шатаніями между полярно-противоположными тенденціями движеніе изъ мертвой точки, въ которую оно попало, развиваясь на почвѣ народнической идеологіи. И вотъ теперь, послѣ того, какъ ходъ экономическаго развитія Россіи, стихійный ростъ рабочаго движенія, успѣхи русской соціальдемократіи, послѣ того, какъ вообще цѣлый рядъ многочисленныхъ и разнообразныхъ событій, фактовъ и явленій русской жизни наглядно и ярко подтвердили діагнозъ и прогнозъ, сдѣланные 20 лѣтъ тому назадъ по отношенію къ экономическому развитію Россіи соціальдемократами, въ лицѣ Плеханова, и, воочію, оправдали программу революціоннаго движенія, рекомендованную ими, какъ логически и практически необходимый выводъ изъ теоретическихъ посылокъ научнаго соціализма, въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности, послѣ всего этого изъ лагеря нашихъ демократическихъ противниковъ выступаютъ господа, съ истинно-беззастѣнчивой развязностью заявляющіе, что у насъ

нѣтъ собственной, внутренней точки опоры и что это вынуждаетъ насъ „претендовать на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ“. Въ статьѣ „Къ крестьянскому вопросу“, напечатанной въ № 3 „В. Р. Р.“, А. Рудинъ, встревоженный, повидимому, опасеніемъ какъ бы соціальдемократы не лишили его партію монополіи на это наслѣдство, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, каковы „мотивы, заставляющіе нынѣ русскихъ соціальдемократовъ прилѣпляться къ тому самому наслѣдству, которое они недавно еще, съ такимъ непримиримымъ упрямствомъ громили брошюрной картечью и отъ котораго отрекались съ такимъ полемическимъ жаромъ“. Но недоумѣніе г. Рудина — только кажущееся. У него уже заранѣе въ запасѣ отвѣтъ, разсѣивающій это недоумѣніе. „Мысль, заключенная въ крѣпкія оковы догмы и осужденная въ нихъ на безплодіе, естественно стремится, въ порывѣ самосохраненія, податься и впередъ, и назадъ, — гдѣ она, *безпомощная* (курс. мой), въ богатомъ наслѣдіи прошлаго старается найти себѣ точку опоры, опредѣлить свои жизненныя основанія“.*)

Такъ говорить могутъ только господа, обладающіе незавиднымъ счастьемъ такъ плотно затыкать себѣ уши и закрызать глаза, чтобы не слышать и не видѣть того, что происходило вокругъ нихъ въ теченіе двадцатилѣтняго періода, отдѣляющаго настоящій моментъ отъ момента появленія русской соціальдемократіи на общественной аренѣ. Въ чемъ, однако, состоитъ „богатое наслѣдіе прошлаго,“ къ которому де недостатокъ собственной точки опоры заставляетъ соціальдемократовъ „прилѣпляться“? А вотъ видите ли, „отличительной чертой“ народовольческаго направленія, которое завѣщало намъ опытъ прошлаго и которое, около 20 лѣтъ тому назадъ, послѣднимъ покинуло поле битвы, — было: рѣзкое подчеркиваніе политической борьбы и широко составленная программа, имѣвшая цѣлью, въс оотвѣтствіи съ силами врага, вовлечь въ борьбу всѣ сколько-нибудь пригодные слои населенія.“ (ibid. 220).

---

*) „В. Р. Р.“, стр. 212-220.

Мы уже видѣли, что и въ самой постановкѣ вопроса о политической борьбѣ партія Народной Воли проявила большія колебанія и неустойчивость, выражавшіяся въ разновременномъ и даже параллельномъ шатаніи между двумя полюсами: между простымъ, чисто политическимъ либерализмомъ съ одной стороны и старо-народнической тенденціей смотрѣть на низверженіе абсолютизма, какъ на попутный эпизодическій актъ великой исторической драмы соціальнаго переворота съ другой. Уже одно это обстоятельство не могло не служить помѣхой для вовлеченія въ политическую борьбу *всѣхъ* пригодныхъ слоевъ населенія. Но едва ли еще большимъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе непосредственнымъ тормазомъ для этого являлось отношеніе народовольцевъ къ народнымъ массамъ, какъ къ элементу, лишенному при абсолютизмѣ способности и силы къ революціонной активности вообще и политической въ особенности. Вѣдь и самое подчеркиваніе необходимости политической борьбы мотивировалось безплодностью пропаганды и хожденія въ „народъ".*) Но, съ другой стороны, и общество никоимъ образомъ нельзя было бы вовлечь въ борьбу тактикой, сводившей эту борьбу къ террору, и программой, выдвигавшей красный призракъ соціальной революціи. Для того, чтобы „вовлечь въ борьбу всѣ пригодые для этого слои населенія," необходимо было прежде всего теоретически рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи соціализма и политической борьбы**), къ обоюдной выгодѣ того и другой, выяснить и установить правильное соотношеніе между ними. Литературный коллега г. Рудина, авторъ статьи „Эволюція русской соціалистической мысли," повидимому, больше его понимаетъ значеніе этого вопроса для злободневной задачи освобожденія Россіи отъ абсолютизма. Онъ прямо заявляетъ, что

*) „Сизифова работа," „все равно, что биться какъ рыба объ ледъ"—вотъ какими словами характеризовалась „дѣятельность въ народѣ."

**) Первая брошюра, изданная „Группой Освобожденія Труда" и написанная Плехановымъ, посвящена именно этому вопросу и такъ и озаглавлена: „Соціализмъ и Политическая борьба".

„съ этой задачей“ связаны два вопроса: “какъ свалить самодержавіе съ наибольшей выгодой для соціализма? Какъ доставить возможно близкое торжество соціализму, не забывая въ тоже время непосредственной политической цѣли: низверженія царскаго деспотизма?“*)

И вотъ эти-то кардинальные вопросы нашего революціоннаго движенія народническій періодъ оставилъ намъ въ наслѣдство нерѣшенными. Бакунисты не рѣшили ихъ потому, что они отрицали самую законность политической борьбы, какъ самостоятельной задачи, а народовольцы потому, что вступили на путь борьбы съ абсолютизмомъ, не имѣя времени подвергнуть принципіальной критикѣ утопическій соціализмъ и распроститься съ его теоріями. И такъ, какъ къ тому и рабочаго движенія, какъ стихійнаго, хроническаго и массового явленія, которое своей элементарной силой непосредственно привлекало бы вниманіе революціонеровъ къ пролетаріату, какъ къ единственной революціонно-активной *народной массѣ* въ Россіи, въ то время у насъ еще не существовало, то они и чисто эмпирическимъ путемъ, такъ сказать ощупью, не освѣщаемой теоретическимъ сознаніемъ практикой не могли натолкнуться на сколько нибудь правильное рѣшеніе указанныхъ вопросовъ. Русская соціальдемократія, теоретически выяснивъ историческое значеніе нашего пролетаріата, какъ съ точки зрѣнія соціальной (соціалистической) революціи, такъ и съ точки зрѣнія борьбы за свободу, и направивъ всѣ свои силы на пропаганду и агитацію среди рабочихъ массъ, этимъ самымъ теоретически и практически слила задачу освобожденія Россіи отъ царско-полицейскаго произвола съ задачей подготовленія соціалистической революціи въ одно органическое цѣлое. На идейной почвѣ соціальдемократіи, русское революціонное движеніе стало въ одно и тоже время сознательной борьбой за политическую свободу и борьбой за соціализмъ, потому что борьба съ абсолютизмомъ ведется ею путемъ разви-

*) „Вѣстникъ Русской Революціи“ № 3, стран. 1.

тія классового, т. е. соціалистическаго сознанія рабочихъ массъ и объединенія ихъ въ самостоятельную политическую партію. Освободительное движеніе противъ существующаго государственнаго строя является, такимъ образомъ, первымъ фазисомъ, прологомъ освободительнаго движенія пролетаріата, какъ класса, противъ всего буржуазнаго общества. Но это отнюдь не можетъ служить помѣхой тому, чтобъ соціальдемократія въ своей тактикѣ ставила себѣ цѣлью „вовлечь въ борьбу всѣ сколько нибудь пригодные для этого слои населенія.“ Какъ разъ наоборотъ: наше матеріалистическое пониманіе историческаго процесса, наша точка зрѣнія на историческую роль капиталистическаго и буржуазнаго прогресса не только даютъ намъ теоретическую возможность, но и обязываютъ насъ построить нашу тактику съ разсчетомъ на вовлеченіе въ борьбу съ самодержавіемъ возможно болѣе широкихъ общественныхъ массъ изъ всѣхъ классовъ населенія. Но, говорятъ намъ наши противники изъ революціоннаго лагеря: „Соціальдемократы забросили пропаганду среди крестьянъ, позабыли объ офицерствѣ и т. д. и т. д. Ну, а вы то, господа, можемъ мы имъ , съ своей стороны, отвѣтить, также вѣдь ничего ни сдѣлали для революціонизированія этихъ общественныхъ слоевъ.“ Мы ихъ за это не винимъ, хотя они чуть не болѣе 15 лѣтъ вели литературную болтовню на тему о террорѣ, о пропагандѣ среди офицерства, „общества,“ крестьянъ и т. д. Не винимъ ихъ потому, что продолжительная общественная реакція и истощеніе силъ радикальной интеллигенціи не давали ей возможности организоваться для такой разносторонней дѣятельности. Но еще гораздо менѣе заслуживаетъ упрека въ ограниченности или односторонности своей дѣятельности та часть интеллигенціи, которая въ этотъ мрачный періодъ только начала усваивать ученіе соціальдемократіи и группироваться подъ его знаменемъ. Болѣе, чѣмъ странно, обращаться съ такимъ упрекомъ къ представителямъ совершенно новаго революціоннаго направленія, принципіально противоположнаго всѣмъ прежнимъ и современнымъ теченіямъ въ демокра-

тическомъ лагерѣ, за то, что они не сумѣли въ такое тяжелое время захватить своей пропагандой и тѣ слои населенія, на которые не сумѣли распространить свое вліяніе представители гораздо болѣе старыхъ фракцій.

Пора, однако, вернуться къ вопросу о правѣ „на наслѣдство отцовъ и старшихъ братьевъ".

Послѣ всего вышеизложеннаго не трудно понять, на чемъ основана претензія „соціалистовъ-революціонеровъ" на это „наслѣдство". Они являются хранителями и защитниками тенденцій и традицій періода идейнаго разложенія народническаго соціализма. Партія „соціалистовъ-революціонеровъ" унаслѣдовала отъ этого періода антипатію къ „чистой доктринѣ", т. е. къ строгому подчиненію революціонной практики ученіямъ и „идеаламъ" революціоннаго соціализма, тенденцію свести всю дѣятельность революціонной партіи и всѣ ея современныя задачи къ борьбѣ съ абсолютизмомъ, наконецъ, совершенную неспособность понять непримиримое противорѣчіе между ея соціалистической фразеологіей и буржуазно-демократической „программой дѣятельности". Современные представители народовольчества великодушно переняли на себя всѣ пассивы „отцовъ и старшихъ братьевъ". На этомъ основаніи они имѣютъ несомнѣнное право претендовать на наслѣдство умершей революціонной эпохи. Но это право *приблизительно* такъ же условно и ограниченно, какъ право нѣмецкихъ прогрессистовъ и демократовъ первой половины шестидесятыхъ годовъ или французскихъ республиканцевъ сороковыхъ годовъ на „наслѣдство" классическихъ революціонеровъ западной буржуазной демократіи.

П. Аксельродъ.

P. S. Предыдущія замѣчанія, набранныя, за исключеніемъ заключительныхъ строкъ, если не ошибаюсь, во-

семь-девять мѣсяцевъ тому назадъ, написаны были лѣтомъ прошлаго года, не задолго до съѣзда Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Въ промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, въ ней обнаружились признаки кризиса, угрожающаго самому существованію ея. Это, однако, не ослабляетъ справедливости вышеизложеннаго. Кризисъ этотъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ источникомъ пріостановку во внутреннемъ развитіи россійской соціальдемократіи изъ интеллигентской фракціи въ чисто пролетарскую партію, пріостановку какъ разъ въ такой моментъ, когда результаты ея собственной исторической работы, политически-напряженная общественная атмосфера и ростъ буржуазной демократіи, возвѣщавшійся уже ролью студенчества въ революціонныхъ событіяхъ начала 1901 года, властно требуютъ отъ нея новыхъ усилій для того, чтобы возможно скорѣе покончить съ своимъ существованіемъ, въ качествѣ только зародыша пролетарской партіи. Другими словами: жизнеспособность нашей партіи прямо пропорціональна степени воплощенія ею въ жизни, въ своей практикѣ, „чистой доктрины", составляющій ея теоретическій базисъ, а опасности грозятъ ей отъ слишкомъ односторонняго, поверхностнаго, вообще, недостаточно послѣдовательнаго и глубокаго примѣненія этой доктрины къ жизни.

Какъ разъ обратное отношеніе между теоріей и практикой, между „чистой доктриной" соціализма и насущными запросами революціоннаго движенія имѣло мѣсто въ семидесятыхъ годахъ, когда приверженность къ „соціалистическимъ идеаламъ" являлось тормазомъ для движенія и когда для того, чтобы сблизиться съ жизнью и сложиться въ практически-боевую революціонную партію, представителямъ движенія приходилось стремиться къ самоосвобожденію изъ подъ власти этой доктрины. Для соціальдемократовъ же самокритика означаетъ не удаленіе отъ своего исходнаго теоретическаго базиса, а, наоборотъ, провѣрку своей партійной практики, ея

методовъ и результатовъ съ точки зрѣнія этого базиса: масштабомъ для оцѣнки тѣхъ и другихъ служитъ для насъ степень соотвѣтствія ихъ принципіальнымъ требованіямъ нашей „чистой“ соціалистической „доктринѣ“, потому что въ этомъ именно соотвѣтствіи лежитъ залогъ жизнеспособности и развитія нашей партіи. И вопросъ о преодолѣніи ея внутренняго кризиса сводится къ вопросу о томъ, какимъ путемъ возможно скорѣе глубоко и всесторонне пропитать духомъ революціоннаго марксизма, не только нашу программу, но и организацію и тактику?

Цюрихъ, 31 мая 1904 года.

Объединеніе Россійской соціальдемократіи и ея задачи.

(„Искра“ № № 55 и 57.)

Статья первая.

Итоги ликвидаціи кустарничества.

I.

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, въ своей брошюрѣ „Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта“, характеризовалъ ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса, въ противоположность „буржуазнымъ революціямъ“, слѣдующимъ образомъ: „Революціи пролетаріата, какова революція девятнадцатаго вѣка, постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ, повидимому, уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ“...[1]).

Россійская соціальдемократія, партія пролетарская по своей теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не таковая по соціальному составу и характеру своей организаціи, также почти не перестаетъ подвергать себя строгой критикѣ, „то и дѣло останавливается на ходу“ и „жестоко, основательно осмѣиваетъ слабыя стороны“ своей дѣятельности. Но она поступаетъ такъ не только стихійно, непроизвольно: она обязана сознательно, систематически зорко слѣдить за каждымъ своимъ

---

[1]) **Русскій переводъ Кричевскаго, стр. 11.**

шагомъ и подвергать строжайшей критикѣ всякую обнаружившуюся односторонность или ошибку въ своей тактикѣ. Обязана именно потому, что она еще только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, она, пока, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи. Кромѣ того, въ Россіи дѣло идетъ еще не о „революціи пролетаріата" въ смыслѣ завоеванія диктатуры, а только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ политическаго рабства, т.е. о революціи буржуазной. И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и пролетаріату объективно , исторически , въ конечномъ счетѣ , вызывается и обуславливается не классовой борьбой послѣдняго, а общедемократической потребностью всѣхъ націй и классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи. Вліяніе пролетарскаго или соціальдемократическаго элемента въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной революціи явится въ то же время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію революціоннаго соціализма. Задача и долгъ Россійской соціальдемократіи заключается именно въ томъ, чтобы обратить такимъ путемъ предстоящую ликвидацію сословнаго и самодержавно-бюрократическаго строя въ непосредственный прологъ классовой борьбы пролетаріата, уже съ непосредственной цѣлью политической экспропріаціи буржуазіи, для совершенія революціи соціалистической. Но въ то время, какъ элементы благопріятные для осуществленія этой, спеціально соціальдемократической, задачи должны быть еще отысканы и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изучены, въ то время, какъ умѣнье или искусство пользоваться ими можетъ быть пріобрѣтено только путемъ значительныхъ усилій мысли и воли, историческая стихія, нѣко-

торыми своими сторонами, сама толкаетъ наше движенiе въ сторону буржуазнаго революцiонизма — на перекоръ нашимъ желанiямъ и нашему сознанiю. Этотъ двусторонний, исторически противорѣчивый характеръ положенiя и задачъ нашей Партiи, прямо налагаетъ на нее обязанность „то и дѣло останавливаться на ходу", чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ „половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ попытокъ". Въ современныхъ условiяхъ развитiя нашей партiи каждая ея ошибка, каждый ложный или одностороннiй шагъ можетъ повести къ тому, что вмѣсто того, чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революцiи послужилъ орудiемъ и рычагомъ, для „революцiи пролетарiата", наоборотъ, наше рабочее движенiе само низведено будетъ до роли простого орудiя въ этомъ процессѣ. Для предупрежденiя такого непрiятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторiи, у соцiальдемократiи одно только средство и есть: постоянная самокритика, подъ угломъ зрѣнiя своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетарiата.

Такой процедурѣ мы впервые подвергали себя наканунѣ перехода на путь массовой агитацiи на почвѣ непосредственныхъ столкновенiй рабочихъ съ ихъ хозяевами. Втеченiе этого перiода движенiе наше прiобрѣло глубокiе корни въ пролетарiатѣ, революцiонизировало настроенiе и даже сознанiе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революцiонную активность. Политическiй итогъ перiода экономической агитацiи, ограниченной узкими рамками профессiональныхъ или групповыхъ интересовъ, выступилъ наружу въ революцiонныхъ событiяхъ, ознаменовавшихъ у насъ первый годъ новаго вѣка. Рабочiе тысячами рвались въ бой съ царскими опричниками, но соцiальдемократiя оказалась совершенно неподготовленной для руководства массами въ такiе бурные моменты. Рабочiе пошли бы за кѣмъ угодно. Но другой революцiонной партiи, кромѣ соцiальдемократической, совсѣмъ не оказывалось на лицо. Это обстоятель-

ство и спасло ее. Если бы въ этотъ періодъ на аренѣ политической борьбы оказалась сколько нибудь организованная буржуазно революціонная фракція, способная стать во главѣ революціонно настроенныхъ рабочихъ массъ, наша Партія сразу оттѣснена была бы на задній планъ и, быть можетъ, надолго лишилась бы всякаго серьезнаго общественнаго значенія.

Крупные факты наглядно и ярко оправдали, такимъ образомъ, критику теоріи и практики такъ называемаго экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ группы „Освобожденія Труда“ и продолжавшуюся „Искрой“. Несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ Партіи съ одной стороны, и запросами, предъявленными къ ней стихійно разрѣшившимися событіями, съ другой, было такъ велико, такъ сильно бросалось въ глаза, что и самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наиболѣе явные недочеты истекшаго періода и понять необходимость программнаго и организаціоннаго объединенія соціальдемократіи.

Критика и даже „нетоварищескіе“ полемическіе пріемы революціонныхъ соціальдемократовъ или „ортодоксальныхъ“ марксистовъ нашли для себя воспріимчивую почву, — и скоро лозунгъ „долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соціальдемократіи въ одну строго централизованную организацію!“ сталъ общимъ кличемъ большинства членовъ нашей Партіи.

Въ настоящій моментъ этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактовъ. Недавно состоявшійся второй съѣздъ Россійской Соціальдемократической Партіи осуществилъ объединительное стремленіе огромнаго большинства нашихъ товарищей. Теперь, казалось бы, можно намъ, если и не успокоиться на лаврахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть отдохнуть отъ самокритики и всецѣло предаться „положительной работѣ“. Къ сожалѣнію, дѣло не совсѣмъ такъ обстоитъ. Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествующими

періодами. Для этаго ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная партія должна будетъ преслѣдовать, и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать диктатуру или указанія центральнымъ учрежденіямъ на счетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія Партіи къ расширенію круга ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Съѣздъ удовлетворился обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К. Затѣмъ большинство делегатовъ разъѣхалось, въ наивной увѣренности, что они радикально покончили съ ликвидаціей періода младенденчества нашего движенія, не подозрѣвая даже, что теперь то именно, послѣ формальнаго объединенія Партіи, передъ нами во всей своей исторической конкретности и сложности, выдвигается на очередь вопросъ: „Что дѣлать?" Делегаты проявили чрезвычайно много страстности, когда рѣчь шла о деталяхъ устава, о составѣ, іерархіи и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ партійныхъ учрежденій, но большинство изъ нихъ, повидимому, и не догадывалось, что жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе. Торжество централизма въ нашемъ организаціонномъ механизмѣ кажется имъ, очевидно, само по себѣ равносильнымъ устраненію всѣхъ изъяновъ и недочетовъ въ Россійской Соціальдемократіи; въ централизмѣ они видятъ нѣчто самодовлѣющее, родъ всеспасающаго, чудеса творящаго талисмана.

Это идолопоклонство передъ формальнымъ, механическимъ централизмомъ приходится также поставить въ счетъ недавнему прошлому нашей Партіи, оно есть также наслѣдіе, хотя и косвенное, этого прошлаго.

II.

Въ періодъ „экономизма“ борьба рабочихъ съ предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или „чисто“ рабочимъ движеніемъ. Агитація политическая представлялась тогда большинству товарищей, какъ антиподъ этого движенія, и откладывалась ими до того времени, когда профессіональная борьба сама поставитъ рабочія массы лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, какъ съ ихъ непримиримымъ врагомъ Содержаніе предстоявшей пролетарской политической борьбы въ самодержавной Россіи исчерпывалось для нихъ задачей борьбы съ абсолютизмомъ точно также, какъ содержаніе экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими изъ конкретныхъ рамокъ повседневнаго антагонизма отдѣльныхъ группъ и профессій съ непосредственными эксплуататорами. Но исторія не ждала того момента, когда пролетаріатъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ своего антагонизма съ „хозяевами“, самъ вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ: наоборотъ, она совершенно неожиданно толкнула въ эту борьбу и пролетаріатъ, и самихъ соціальдемократовъ, и при томъ воспользовалась для этого не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Прямой импульсъ для первыхъ взрывовъ массового политическаго недовольства данъ былъ студенческими волненіями, и студенчество же явилось застрѣльщикомъ и знаменосцемъ въ нихъ. Соціальдемократы оказались, такимъ образомъ, стихійно вовлеченными въ политическую борьбу, а не иниціаторами ея. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на послѣдующій періодъ нашего движенія.

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочихъ массъ при

полной дезорганизаціи нашихъ силъ и идейномъ разбродѣ, имѣя въ запасѣ одну только положительную, но абстрактную формулу: „Соціальдемократія должна руководить пролетаріатомъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ". Въ примѣненіи на практикѣ формула эта означала: „необходимо вовлекать все болѣе и болѣе широкія массы" въ эту борьбу. Но „вовлекать" ихъ въ политическую борьбу можно различнымъ образомъ. Соціальдемократическая практика должна, очевидно, и въ данномъ случаѣ принципіально отличатся отъ практики буржуазныхъ партій. Но эта сторона вопроса о политическомъ руководствѣ пролетаріатомъ какъ бы и не существовала для массы нашихъ практиковъ. Съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ царскимъ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ, съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу" съ нимъ, пріобрѣло въ кругу многихъ соціальдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классового воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическая.

Между н а ш и м и политическими задачами въ современной Россіи и общедемократической злободневной задачей борьбы съ царско полицейскимъ режимомъ — лишь бы во главѣ массъ въ этой борьбѣ шла соціальдемократія — поставленъ былъ знакъ равенства. Но если послѣднимъ словомъ соціальдемократическаго трэдъюніонизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ, то послѣднимъ словомъ увлеченія „политикой" въ указанномъ одностороннемъ смыслѣ была бы отдача рабочихъ массъ подъ команду революціонныхъ элементовъ буржуазіи, хотя бы по обстоятельствамъ мѣста и времени элементамъ этимъ и приходилось бы осуществлять свою миссію подъ флагомъ соціальдемократіи.

Эта „конечная" тенденція увлеченія „политикой" въ томъ упрощенномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали „эко-

номисты“, довольно отчетливо проявилась наружу въ 1901 г., когда подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій этого года, отовсюду въ нашемъ лагерѣ и въ лагерѣ нашихъ демократическихъ противниковъ началъ раздаваться кличъ: „долой всякія разногласія и междуусобія среди революціонеровъ изъ-за теорій, доктринъ, разныхъ догмъ, и да здравствуетъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ для борьбы за свободу“. Соціальдемократъ Нестяжатель наивно спрашивалъ на страницахъ „Вѣст. Рус. Рев.“: „что же насъ разъединяетъ?“ „Насъ“ — т. е. соціальдемократовъ разныхъ оттѣнковъ между собою и ихъ всѣхъ въ совокупности, съ одной стороны, и соціалистовъ-революціонеровъ, съ другой. Явное сочувствіе террору, увлеченіе которымъ грозило ослабленіемъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, призывы къ коренному измѣненію „въ 24 часа“ нашей обычной тактики, „разсчитанной на медленный эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитаніе ея“, и къ такому же скоропалительному созданію боевой организаціи, „способной повести массу на н е м е д л е н н у ю аттаку противъ самодержавія“[1]), аттаку, осуществимую — при тогдашнихъ условіяхъ — только путемъ быстраго подбора и сплоченія чисто боевыхъ, т. е. военныхъ силъ революціи, — все равно, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали, на почвѣ какихъ бы принциповъ онѣ ни стояли — въ особую, т. е. сверхпартійную организацію — наконецъ, въ логической или психологической связи со всѣмъ этимъ, ослабленіе сознанія принципіальной противоположности между воззрѣніями соціальдемократіи и другихъ революціонныхъ элементовъ — таковы симптомы и проявленія того крупнаго поворота въ настроеніи товарищей, которое вызвано было стихійнымъ вовлеченіемъ нашей партіи на арену непосредственной борьбы съ абсолютизмомъ. Этотъ поворотъ грозилъ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ принципіальнымъ и полити-

---

[1]) **„Историческій поворотъ“. Листокъ „Рабочаго Дѣла“.**

ческимъ обезличиваніемъ соціальдемократическаго и всего рабочаго движенія въ Россіи.

Революціонная соціальдемократія рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій, опираясь при этомъ на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массового рабочаго движенія и тѣсную связь — практическую и идейную, — создавшуюся между нимъ и нашей партіей въ періодъ экономизма. Не мало благопріятствовали ей и несостоятельность партіи такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ", и пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ тѣхъ принциповъ пролетарскаго соціализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли въ предыдущій періодъ въ плоть и кровь большинства практиковъ соціальдемократовъ. Наконецъ, — и это очень существенное обстоятельство, — провозвѣстникомъ крутого поворота къ „политикѣ", въ духѣ буржуазнаго революціонизма явились представители того же самаго лагеря, который, еще наканунѣ новаго революціоннаго подъема стоялъ на почвѣ крайней постепеновщины.

Событія, которыми ознаменовался новый революціонный періодъ, наглядно подтвердили основательность опасеній, высказывавшихся въ изданіяхъ революціонныхъ марксистовъ по поводу тяготѣнія нашихъ практиковъ къ трэдъюніонской тактикѣ уже въ то время, когда она еще не была возведена въ систему, извѣстную подъ названіемъ „экономизма". Какъ разъ наканунѣ этого періода революціонная соціальдемократія выступила на сцену съ самостоятельнымъ органомъ съ газетой „Искра", въ которой она объявила войну не на жизнь а на смертъ экономизму, идейнымъ шатаніямъ и организаціонной анархіи, какъ элементамъ, несовмѣстимымъ съ историческими задачами нашего движенія. А стремительный поворотъ оппортюнистическихъ элементовъ въ сторону „политики", съ готовностью пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія, явился прямымъ оправданіемъ для этой войны, такъ какъ сами событія, вызвавшія его, наглядно иллюстрировали спра-

ведливость того, что уже прежде говорила „Искра" о полномъ несоотвѣтствіи между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи, съ одной стороны, и революціонностью рабочихъ массъ, съ другой. Борьба не могла не окончиться побѣдой революціонной соціальдемократіи надъ ея сознательными и полусознательными противниками въ партіи. Бернштейніанство, оппортюнизмъ, экономизмъ, и организаціонная анархія хронологически и фактически такъ ассоціировались другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ быть компрометированъ, не компрометируя остальныхъ, и банкротство одного изъ нихъ не могло не сопровождаться или не совпадать съ банкротствомъ другихъ. И въ то время, какъ слова „оппортюнизмъ", ревизіонизмъ" и „экономизмъ" стали синонимами всѣхъ недочетовъ нашего движенія и названіями для первоисточника всѣхъ его бѣдъ, съ именемъ революціонной соціальдемократіи все болѣе и болѣе неразрывно сливалось представленіе объ якорѣ спасенія, чуть не о мессіи, явившемся для того, чтобы избавить движеніе отъ всѣхъ его грѣховъ и вывести его на широкую арену открытой борьбы съ абсолютизмомъ. Полная побѣда революціонной соціальдемократіи надъ другими теченіями въ нашей партіи оффиціально, такъ сказать, закрѣплена и провозглашена на ея второмъ съѣздѣ; но если мы теперь спросимъ себя, какими же собственно положительными результатами принципіальнаго соціалистическаго характера побѣда эта сопровождалась, то должны будемъ отвѣтить, что они ограничиваются почти исключительно областью стремленій, симпатій и идей, между тѣмъ, какъ практика нашего движенія подвинулась впередъ только въ общереволюціонномъ, а не спеціально соціальдемократическомъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ литературной пропаганды „Зари" и „Искры" въ партіи восторжествовало убѣжденіе, что „только принципы революціоннаго, марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержа-

віемъ въ частности"[1]). „Внести эти принципы въ сознаніе россійскаго рабочаго класса" — вотъ стремленіе воодушевляющее массу товарищей. Но въ дѣйствительности, въ практикѣ нашего движенія оно находитъ себѣ очень слабое выраженіе. Классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ" эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ", связанной съ „пролетарскимъ ученіемъ" лишь соціальдемократической фразеологіей, въ „идеалѣ", вообще — субъективными стремленіями платоническаго свойства. Объективную же тенденцію нашей практики съ классической наивностью формулировалъ въ своемъ уставѣ, какъ субъективную цѣль, одинъ комитетъ слѣдующими словами: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести лишь опираясь на готовую къ повиновенію[2]) и къ открытому возстанію рабочую массу крупныхъ промышленныхъ центровъ, мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса".

---

[1]) „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ", — письмо ссыльнаго соц.-дем. въ „Искру" (№ 50).

[2]) Курсивъ мой.

III.

Между теоретическими или идейными завоеваніями революціоннаго соціальдемократизма въ нашемъ движеніи и фактическимъ содержаніемъ и объективной тенденціей нашей практики оказывается, такимъ образомъ, рѣзкій контрастъ, чтобы не сказать прямо-принципіальное противорѣчіе. Но тотъ же періодъ, втеченіе котораго оно создано было, подготовилъ элементы и для его устраненія, то есть для выступленія партіи на путь политическаго воспитанія и объединенія пролетаріата на почвѣ не одной только борьбы съ самодержавіемъ, но и принципіальнаго антагонизма рабочаго класса со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Прежде всего, нужно отмѣтить прогрессивное усиленіе революціонной активности все болѣе и болѣе широкихъ массъ, ростъ и распространеніе въ нихъ политической сознательности, а, слѣдовательно, и способности къ политической самодѣятельности на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ то же время образовался довольно многочисленный штабъ распростившихся съ своей легальностью и со своими профессіональными занятіями революціонеровъ соціальдемократовъ, столь необходимый при современныхъ русскихъ условіяхъ для образованія политической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рядахъ нашихъ практиковъ имѣется и контингентъ людей съ революціоннымъ опытомъ, съ иниціативой и съ организаціоннымъ смысломъ. Наконецъ, что особенно важно — это предрасположеніе массы товарищей къ марксизму, или, если можно такъ выразиться, ихъ психологическая подготовленность къ признанію и примѣненію на практикѣ истинно пролетарской политики въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Но *le mort saisit le vif*, мертвые хватаютъ живыхъ, прошлое стоитъ поперекъ дороги и мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Воспоминаніе объ экономизмѣ, оппортюнизмѣ и ихъ неизмѣнныхъ спутникахъ — кустарни-

чествѣ, организаціонной анархіи и т. п. еще такъ живо въ умахъ, война съ ними такъ недавно еще была въ полномъ разгарѣ, что неудивительно, если въ кругу соціальдемократовъ наканунѣ съѣзда и во время его гораздо больше были заняты мыслью о томъ, какъ бы навѣки вѣчные оградить наше движеніе отъ такихъ зловредныхъ элементовъ, нежели вопросомъ о приведеніи нашей практики въ полную гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра" и „Заря" вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями. Это настроеніе и диктуемая имъ логика очень ясно отразилась въ цитированномъ уже письмѣ товарищей изъ дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы съ абсолютизмомъ необходима централизованная организація, но такая соціальдемократическая организація можетъ быть вызвана къ жизни только „на почвѣ строгаго принципіальнаго единства"; подъ этимъ лишь условіемъ она будетъ жизнеспособна. А потому, пишутъ упомянутые товарищи, „однимъ изъ самыхъ важныхъ — вѣрнѣе главнѣйшимъ — способомъ (курсивъ мой) для подготовленія „фактическаго возстановленія Партіи" мы и считаемъ неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу съ съ оппортюнистическими, кустарническими и „демократическими" тенденціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи соціальдемократовъ". Большинство „искровцевъ" явившихся на съѣздъ, и проникнуто было убѣжденіемъ, что главной ихъ задачей является созданіе организаціи для выполненія этой спеціальной миссіи — „вести неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу" съ только что на голову разбитыми, „внутренними врагами". Передъ этой миссіей совершенно стушевывалась предстоящая положительная задача организаціи — углубить и расширить содержаніе дѣятельности Партіи въ духѣ революціоннаго марксизма.

Принципъ централизаціи — читаемъ мы въ томъ же письмѣ — строго проведенный при постройкѣ пар-

тійной организаціи, обезпечить за нею и силу, и крѣпость, и принципіальную устойчивость (курсивъ мой), и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей, громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить съорганизовавшейся „Р. С.-Д. П.". Но перспектива „громадной и сложной", т. е. положительной работы отодвигается въ туманную даль неопредѣленнаго будущаго, а теперь не до нея, потому что передъ Партіей стоитъ гораздо болѣе неотложная, военная задача усмиренія внутреннихъ враговъ и огражденія ея механическими средствами противъ вторженія въ нее „ненадежныхъ" элементовъ. Разъ дѣло такъ стоитъ, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно болѣе самодержавнаго центра и подъ строжайшій надзоръ его бдительныхъ агентовъ.

Такова психологическая подкладка того централистическаго фетишизма, который проявился на съѣздѣ и, повидимому, довольно сильно владѣетъ умами въ нашей Партіи.

Но что будетъ, если въ самый центръ проникнетъ зараза оппортюнизма, экономизма, и т. п. скверны? Нужно, стало быть, уже при „постройкѣ" партійной организаціи принять мѣры предосторожности противъ такого неожиданнаго сюрприза. Для этого, при данномъ пониманіи дѣла, нѣтъ другого средства, кромѣ учрежденія какой-нибудь надежной опеки — надъ самимъ центромъ, т. е. организаціи другого, еще выше стоящаго центра, составъ котораго давалъ бы безусловныя гарантіи твердости и недоступности вліянію „ненадежныхъ", а тѣмъ болѣе, прямо оппортюнистическихъ элементовъ. Условіе для сознанія такого сверхъ-центра подготовлены были всѣмъ ходомъ и исходомъ борьбы революціонной соціальдемократіи противъ антимарксистскихъ тенденцій въ соціальдемократическомъ, какъ и вообще въ революціонномъ движеніи въ Россіи. Походъ этотъ предпринятъ былъ по собственной иниціативѣ, на свой рискъ и страхъ редакціей „Искры" и „Зари". Она

же довела его до конца и при помощи своихъ „агентовъ“ сыграла большую роль въ подготовкѣ и организаціи съѣзда. Втеченіе всей этой военной компаніи „Искры“ названія „революціонный соціальдемократъ“ и „искровецъ“ стали у насъ синонимами, понятіями совершенно тождественными, такъ что тотъ, кто въ чемъ нибудь расходился съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, высказываемымъ отъ имени редакціи названнаго органа и самъ не всегда смѣлъ считать себя настоящимъ революціоннымъ соціальдемократомъ. Истинная революціонная соціальдемократія въ Россіи, это — редакція „Искры“. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго соціальдемократизма и объ огражденіи нашей Партіи на вѣчныя времена противъ оппортюнистическаго или „экономическаго „атавизма“ рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Центральный Комитетъ долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ.

Періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма подготовилъ намъ, такимъ образомъ, организаціонную утопію теократическаго характера: свѣтское общество отдается во власть маленькаго духовнаго ордена, который, къ тому же, и по географическимъ, и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ. За недостаткомъ мѣста, а также, въ виду логическихъ рамокъ настоящей статьи, я не могу останавливаться здѣсь на конкретныхъ попыткахъ осуществить эту утопію на практикѣ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя она при этомъ претерпѣла. Отмѣчу только, что дебютировала она на своемъ жизненномъ поприщѣ внесеніемъ взаимнаго недовѣрія и раскола въ ряды „искровцевъ“. Для людей съ политическимъ смысломъ этого дебюта вполнѣ достаточно, чтобы безповоротно осудить эту своеобразную систему управленія нашей Партіей.

Итакъ, торжество бюрократичскаго централизма въ

партійной организаціи — таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соціальдемократіи съ „кустарничествомъ". Но этотъ централизмъ, по своей внутренней тенденціи — родной братъ кустарничеству. Послѣднее резюмировало собою періодъ сближенія соціальдемократіи съ рабочими массами на почвѣ ихъ экономическаго недовольства и стихійныхъ его проявленій. Практика періода кустарничества революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или „конечную цѣль" этой практики формулировали авторы „*Credo*" — она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ „вовлеченія" этихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, массъ, начавшихъ уже стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. Періодъ этотъ завершился (еще, впрочемъ, не окончательно завершился) созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія въ нашей Партіи — противорѣчія между ея идейнымъ, теоретическимъ знаменемъ и ея практикой, которая, хотя непосредственно будитъ политическую мысль рабочихъ массъ, все же, въ общемъ, мало развиваетъ въ нихъ классовую политическую самодѣятельность. Словомъ, идейная оболочка— революціонно-соціальдемократическая, а реальное содержаніе, по существу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма. Получается такой результатъ, какъ будто революціонный соціальдемократизмъ подобно кустарническому и оппортюнистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи Россіи противъ абсолютизма. И этотъ то результатъ, опять таки безсознательно, стихійно отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладкѣ. Верховныя власти обязаны поддерживать въ

умахъ марксистское правовѣріе путемъ изданія и распространенія „принципіально-выдержанной литературы“ и строгаго контроля за листками и пропагандистской дѣятельностью комитетовъ. Но какъ и въ чемъ проявляется эта принципіальная выдержанность на почвѣ агитаціи, въ области политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ, какъ, однимъ словомъ, воплощаются принципы „революціоннаго марксизма“ въ методахъ и содержаніи партійной практики? Этотъ вопросъ рѣшается для фетишистовъ централизаціи самъ собой, разными усовершенствованіями чисто техническаго свойства въ организаціонномъ аппаратѣ: необычайнымъ усиленіемъ специализаціи членовъ на мелкихъ и мельчайшихъ функціяхъ, внесеніемъ строгаго порядка въ распредѣленіе и іерархію этихъ функцій, учрежденіемъ безчисленнаго множества всевозможныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, отдѣленій, канцелярій, мастерскихъ, между которыми въ іерархическомъ порядкѣ распредѣляются профессіональные и полупрофессіональные революціонеры, въ массѣ своей превращающіеся въ столоначальниковъ, канцеляристовъ, фельдфебелей, унтеръофицеровъ, рядовыхъ, стражниковъ, мастеровыхъ — или даже части мастера. Вся эта многочисленная армія штатскихъ, военныхъ и ремесленниковъ разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся, каждый въ своемъ углу, безъ связи съ другими. Политической работы въ соціалистически пролетарскомъ смыслѣ не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партіи превращены въ винтики, колесики, которыми, по личному усмотрѣнію, распоряжается всевѣдующій центръ.?

Борьба съ абсолютизмомъ, при всемъ томъ, будетъ вестись, по меньшей мѣрѣ, съ прежней энергіей, тѣмъ болѣе, что и по этой части предусмотрѣна особая категорія специалистовъ. Въ концѣ концовъ, съ одной стороны — формулы, лозунги, слова революціонно-соціальдемократическія, а съ другой — самая что ни на есть

буржуазно-революціонная работа „вовлеченія“ массъ въ движеніе, конечнымъ результатомъ котораго въ самомъ лучшемъ, самомъ идеально-благопріятномъ случаѣ, было бы кратковременное господство радикальной демократіи, опирающейся на пролетаріатъ. Странно какъ то, по поводу такихъ, отмѣченныхъ печатью канцелярскихъ измышленій, организаціонныхъ утопій, обращаться за историческими аналогіями къ эпохѣ великой французской революціи. Но все же для характеристики исторической *тенденціи* этой утопіи приходится рискнуть на это. Въ концѣ пути, на который она увлекаетъ наше движеніе, свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собою, при посредствѣ *sociétés populaires*, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата[1]). И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу великой французской революціи, „въ классически-строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственныя формы иллюзій, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе своей борьбы“, то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически-революціонной соціальдемократіи, чтобы скрыть отъ насъ „буржуазно-ограниченное содержаніе“ нашего движенія?

Но мы постараемся перехитрить исторію. Да это и не такъ уже трудно. Періодъ политической агитаціи и восходящаго движенія революціонной соціальдемократіи не мало положительнаго создалъ и для дальнѣйшей работы въ смыслѣ принципіально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовлен- [illegible]

1) Это, конечно, утопическая перспектива, но за то она, по крайней мѣрѣ, болѣе соблазнительна, чѣмъ трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонируетъ съ общимъ революціоннымъ подъемомъ и съ размахомъ нашего движенія въ настоящій моментъ.

ные этимъ періодомъ. Само собой ясно, что устраненіе того противорѣчія въ нашемъ движеніи, которое развилось въ послѣднее время, не можетъ быть дѣломъ однихъ только индивидуальныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ. Оно потребуетъ коллективныхъ усилій всей партіи, сознательной иниціативы массы практиковъ, которымъ придется отъ спеціализированныхъ кустарей-техниковъ подняться на уровень политическихъ дѣятелей. Это, разумѣется, несовмѣстимо съ бюрократическимъ режимомъ въ партіи, которому придется сдаться при первыхъ же шагахъ наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ партіи на новомъ пути — или же превратиться въ оплотъ и орудіе для новыхъ оппортюнистическихъ тенденцій, но уже не экономическаго, а политическаго характера[1]). Но чѣмъ систематичнѣе и энергичнѣе мы пойдемъ по пути реформированія нашей практики въ принципіально-пролетарскомъ смыслѣ, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ почва изъ подъ ногъ у сторонниковъ системы централизма, уродующей и компрометирующей самый принципъ централизма. На Западѣ, гдѣ рабочія массы политически сознательны, и принципіальная пролетарская политика на теоретическомъ базисѣ марксизма является не абстрактнымъ идеаломъ, а реальнымъ фактомъ, гдѣ рабочая партія сама, какъ коллективный организмъ, воплощаетъ въ себѣ принципіально соціалистическое сознаніе, организаціонные проэкты, основанные на идеѣ административнаго подчиненія цѣлой партіи одному или нѣсколькимъ хранителямъ или олицетвореніямъ доктри-

[1]) Когда хранители завѣтовъ кустарничества боролись или защищались противъ революціонныхъ марксистовъ, они только задерживали успѣхи послѣднихъ и мѣшали дѣлу партійнаго объединенія, котораго еще не было, къ которому еще только стремились. Если же теперь наши партійныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ передовыхъ элементовъ партіи, начнутъ тѣснить ихъ и третировать, какъ крамольниковъ, то они будутъ играть роль дезорганизаторовъ партіи — во имя формальнаго, безсодержательнаго централизма и — сознательно, или безсознательно — въ интересахъ оппортунизма политическаго.

ны, немыслимы не только какъ факты, но и какъ глубоко затаенная мечта какого-нибудь честолюбиваго фантазера вдохновляемаго преданіями о диктатурѣ Швейцера. У насъ абсолютизмъ является, конечно, благодарной почвой для произрастанія такихъ плодовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ источникъ централистическихъ излишествъ окажется безсильнымъ обезпечить имъ жизнеспособность, когда практика соціальдемократическая поставитъ наше рабочее движеніе на такую почву, которая сдѣлаетъ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, затруднитъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей соціальдемократической сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ, какъ представителямъ „стихійности", „безсознательности".

Статья вторая.

Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи.

„Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его".

Лассаль.

Если скрываніе истиннаго положенія дѣлъ въ „политикѣ" вообще равносильно „мелочности, ничтожеству, то въ политикѣ соціальдемократовъ въ Россіи оно еще равносильно было бы измѣнѣ классовымъ интересамъ пролетаріата, т. е. основнымъ историческимъ задачамъ, провозглашеннымъ въ нашей партійной программѣ. Мы живемъ наканунѣ періода сведенія счетовъ новой, буржуазной, капиталистической Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ и остатками сословной общественной организаціи Россіи дворянской, крѣпостнической. Какъ велика будетъ доля, которая достанется эксплуатируемымъ народнымъ массамъ при ликвидаціи отжившаго соціально-политическаго строя, — это бу-

детъ зависѣть прежде всего отъ той степени политической зрѣлости и силы, которой достигнетъ пролетаріатъ ко времени этой ликвидаціи, отъ того вліянія и значенія, которыя онъ пріобрѣтетъ къ этому времени, какъ самостоятельная революціонная сила. Но прежде, чѣмъ исторія подведетъ итогъ нашей работѣ на пользу пролетаріата, мы обязаны сами попытаться подвести итогъ результатамъ этой работы. Только такимъ путемъ мы можемъ еще въ большей или меньшей степени наверстать потерянное, пополнить недочеты и направить равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону представляемаго нами класса.

Этимъ именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. Въ предыдущей главѣ я, какъ характерную черту новѣйшаго, искровскаго фазиса нашего движенія, отмѣтилъ и подчеркнулъ образованіе глубокаго, принципіальнаго противорѣчія между его теоріей и практикой, между идейно восторжествовавшимъ въ нашей партіи революціоннымъ марксизмомъ и далеко не принципіально пролетарскимъ содержаніемъ ея дѣятельности. Нѣкоторые товарищи усмотрѣли въ этомъ противоставленіе теоріи практикѣ своего рода возвеличеніе „теоретиковъ" или „литераторовъ", какъ живого источника всяческой премудрости, на счетъ „практиковъ", какъ представителей узости и какъ виновниковъ всѣхъ грѣховъ, паденій и отклоненій партіи въ сторону отъ требуемаго ея принципами пути. Но на самомъ дѣлѣ у меня шла рѣчь не о субъективныхъ добродѣтеляхъ однихъ и порокахъ другихъ. Я противопоставлялъ другъ другу не лицъ, а двѣ стороны нашего движенія: субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатіи, настроеніе[1]), господствующія въ средѣ большинства его представителей, съ одной стороны, и дѣйствительность, фактическое содержаніе ихъ дѣятельности, съ другой. Въ первый періодъ массовой агитаціи такого противорѣчія не было, по той простой причинѣ, что

[1]) Я употребляю здѣсь такія слова, какъ „симпатія", „настроеніе" и т. п. потому, что не впадая въ самообманъ нельзя не признать, что теоретически вполнѣ сознательныхъ марксистовъ или революціонныхъ соціальдемократовъ у насъ все-таки не много.

втеченіе этого періода подавляющее большинство товарищей не только безсознательно, въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ первоначальнаго, строго марксистскаго теоретическаго базиса нашей партіи, заложеннаго, въ работахъ Плеханова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ современной жизни, исторіи, литературы, философіи, и все больше и больше тяготѣло къ эклектическимъ и антимарксистскимъ тенденціямъ. Практика движенія, конечно, не совпадала съ требованіями принципіальной пролетарской борьбы, но и теорія, объясняющая и формулирующая ихъ, подвергалась критикѣ и не пользовалась, въ цѣломъ, безраздѣльной симпатіей массы товарищей — и при томъ не только практиковъ, но и литераторовъ. „Искра“ и „Заря“ побили ревизіонизмъ и экономизмъ и воскресили въ средѣ русскихъ соціальдемократовъ, при новыхъ условіяхъ, прежнія симпатіи къ „ортодоксальному“ марксизму. И именно поэтому теперь только выступаетъ такъ рѣзко контрастъ между идейной оболочкой движенія и его реальнымъ содержаніемъ. Меньше, чѣмъ когда и гдѣ либо, въ данномъ случаѣ умѣстенъ вопросъ: „виноваты ли практики или теоретики?“ Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, порождено стихійнымъ историческимъ процессомъ, вызвавшимъ къ жизни соціальдемократическое движеніе въ Россіи и опредѣлившимъ на довольно продолжительный періодъ его характеръ и общественное содержаніе. Выясненіе этого процесса одно только и можетъ имѣть для насъ насущный практическій интересъ.

Русскіе марксисты съ самаго начала ставили себѣ ту же самую принципіальную задачу, какую преслѣдуетъ интернаціональная соціальдемократія и которая является для нея верховнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ методовъ, средствъ и результатовъ своей дѣятельности. Развитіе классового самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу подъ знаменемъ соціальдемократіи — такова, какъ извѣстно, эта задача. Но въ то время, когда возникало наше движеніе, въ русской дѣйствительности не было еще самыхъ элементарныхъ условій для прямого и непосредственна-

го выполненія именно его принципіальной задачи. Прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, намъ пришлось взять на себя миссію создаванія этихъ предварительныхъ условій. Я не хочу этимъ сказать, что нами или кѣмъ либо изъ насъ заранѣе преднамѣренно составленъ былъ такой планъ: „Сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее, уже „чисто пролетарское дѣло". Ничего подобнаго. На оборотъ, для насъ это, „чисто пролетарское", дѣло обнимало и покрывало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ подготовленіемъ и расширеніемъ почвы для широкой организаціи пролетарской борьбы и непосредственная работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое въ одно соціально-революціонное дѣло. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она, за нашей спиной,, доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не нашей основной, принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ, по крайней мѣрѣ, частичнаго осуществленія которыхъ не было объективной возможности послѣдовательно и всесторонне преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціальдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красной нитью черезъ всѣ его фазисы.

Ея основная задача, которая всюду опредѣляетъ собою содержаніе и направленіе соціальдемократической практики, заключалась и заключается въ развитіи классового самосознанія и политической самостоятельности пролетаріата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознаніе? Это — во-первыхъ, сознаніе пролетаріатомъ своего принципіальнаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и, во-вторыхъ, — сознаніе имъ всемірно-историческаго значенія своей освободительной борьбы. Неразрывно съ тѣмъ и другимъ связано и пониманіе историческихъ условій выполненія рабочимъ классомъ своей освободительной миссіи[1]). А что под-

---

[1]) **Ничто — говоритъ Лассаль нѣмецкимъ рабочимъ — до такой степени не придаетъ сословію достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно... призвано**

разумѣвается подъ политической самостоятельностью этого класса? Планомѣрное, систематическое вмѣшательство рабочихъ массъ, организованныхъ въ классовую партію или руководимыхъ ею, во всѣ сферы общественно-политической жизни. На этой аренѣ борьбы они сталкиваются лицомъ къ лицу, какъ съ враждебнымъ лагеремъ, не только со своими непосредственными эксплуататорами, какъ съ частными лицами, преслѣдующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и съ тѣми элементами высшихъ классовъ, которые выступаютъ въ роли представителей и выразителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія и интересовъ „всего народа", „всей страны", а въ дѣйствительности являются не болѣе, какъ идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дѣльцами эксплуататорскихъ классовъ. Активное вмѣшательство въ общественную и политическую жизнь является, поэтому, и лучшей, чтобы не сказать единственной, школой и для развитія классового самосознанія пролетаріата. Развивая политическую самостоятельность пролетаріата, западная соціальдемократія этимъ самимъ развиваетъ и его классовое самосознаніе. Систематически вовлекая рабочія массы въ непосредственныя столкновенія и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазныхъ идеологовъ и политиковъ, соціальдемократія конкретно вскрываетъ передъ нимъ непримиримый антагонизмъ интересовъ пролетаріата съ господствомъ буржуазіи. Вынося на обсужденіе его активныхъ слоевъ всѣ вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями другихъ классовъ, организуя эти слои для предъявленія и отстаиванія принятыхъ ими рѣшеній, какъ по этимъ вопросамъ, такъ и по тѣмъ, которые они самостоятельно вносятъ, соці-

возвысить свой принципъ въ принципъ своего вѣка, сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества". И онъ старался, чтобы германскій пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что рабочій классъ — въ современномъ обществѣ — „камень, на которомъ созидается церковь настоящаго". На языкѣ Маркса и Энгельса слова эти означаютъ, что высоко развитое пролетарское самосознаніе неразрывно связано съ яснымъ представленіемъ рабочихъ объ исторической роли своего класса, какъ революціоннаго носителя и представителя интересовъ всего общества, часть котораго они составляютъ и всего человѣчества.

чимъ классомъ, съ одной стороны, неспособность даже передовыхъ элементовъ буржуазіи послѣдовательно отстаивать интересы прогресса, а съ другой — его собственную роль единственнаго серьезнаго борца за эти интересы. Однимъ словомъ процессъ всесторонняго классового воспитанія и объединенія рабочихъ въ самостоятельную пролетарскую партію совершается, и можетъ только совершаться, главнымъ образомъ на почвѣ и посредствомъ ихъ активнаго участія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, въ которыхъ и на Западѣ еще въ недавнемъ прошломъ единственными хозяевами были представители высшихъ классовъ.

Все это вещи общеизвѣстныя, но онѣ почти или совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ при оцѣнкѣ „положенія дѣлъ" нашей Партіи. Въ противномъ случаѣ, мы не проявляли бы такого самоудовлетворенія по части достигнутыхъ ею результатовъ въ дѣлѣ классового воспитанія рабочихъ массъ.

Въ капиталистическихъ странахъ Запада соціальдемократы[1]), какъ только появились на свѣтъ, такъ и начали свою пролетарскую воспитательную работу съ привлеченія рабочихъ массъ къ активному и самостоятельному участію въ политической борьбѣ. Это само собою подсказывалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальдемократія выступила на сцену въ этихъ странахъ во время, когда буржуазія тамъ уже политически господствовала или, по крайней мѣрѣ, участвовала въ государственной власти. Широкая политическая агитація облегчалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы въ „правовомъ государствѣ". Но что особенно важно помнить, такъ это то, что пролетаріатъ и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи уже былъ до извѣстной степени подготовленъ воздѣйствіемъ на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенціи въ эпоху революціонныхъ бурь буржуазіи и въ слѣдующій за нею періодъ. Въ большин-

[1]) Чтобы не усложнять занимающаго меня вопроса, я здѣсь, какъ и вообще въ статьѣ совершенно игнорирую фактъ кратковременнаго, такъ сказать, минутнаго существованія коммунистическаго союза въ промежуткѣ между выступленіемъ его съ манифестомъ Маркса и Энгельса и революціей 1848 года.

ствѣ случаевъ соціальдемократія на Западѣ съ самаго начала представляла собою передовой отрядъ уже социально активныхъ слоевъ пролетаріата (плюсъ нѣсколько единицъ изъ „интеллигенціи") и выражала новый фазисъ въ развитіи уже начатой имъ классовой борьбы.

Ни одного изъ этихъ необходимѣйшихъ условій для развитія строго принципіальнаго пролетарскаго движенія у насъ не было на лицо въ тотъ моментъ, когда въ Россіи возникло соціальдемократическое теченіе. Рѣшающее и предопредѣляющее значеніе для развитія новаго движенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ, то, что пролетаріатъ въ Россіи — если не считать немногихъ спропагандированныхъ рабочихъ, тонувшихъ въ общей массѣ своихъ собратьевъ, да рѣдкія, изолированныя стачки — погруженъ былъ тогда еще въ глубокій историческій сонъ, и находился въ совершенно безкультурномъ состояніи. Въ немъ самомъ не было элемента, способнаго взять на себя дѣло пробужденія его отъ этого сна и выведенія его на арену исторической активности. Эту задачу долженъ былъ взять на себя посторонній ему соціальный элементъ — радикальная интеллигенція. Въ этомъ заключалось второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Историческій или общественный смыслъ его таковъ: для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательно классовое движеніе среди рабочихъ массъ, предварительно необходимо было подчинить ихъ идейному и политическому вліянію и руководству соціально чуждаго имъ слоя, принадлежащаго въ массѣ своей къ другимъ классамъ населенія. На Западѣ одной изъ первыхъ задачъ соціальдемократіи было освобожденіе пролетаріата отъ вліянія и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенціи. У насъ марксисты должны были, наоборотъ, въ интересахъ соціально-политическаго развитія рабочихъ, взять на себя иниціативу сближенія радикальной интеллигенціи съ пролетаріатомъ и систематически помогать ей въ дѣлѣ подчиненія его ея революціонному руководству. Какъ бы то ни было, здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективной цѣлью иниціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія.

Чѣмъ, однако, оправдывалась, на чемъ основана была ихъ вѣра въ призваніе и готовность радикальной интеллигенціи взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссію? Вѣра эта опиралась на фактическое настроеніе революціонной интеллигенціи и имѣла своей объективной основой или источникомъ историческое положеніе этой интеллигенціи. На Западѣ вышеуказанный антагонизмъ соціальдемократіи съ лѣвымъ крыломъ свободомыслящей буржуазіи обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени появленія первой и наиболѣе радикальные элементы интеллигенціи уже распростились съ своимъ революціонно-демократическимъ идеализмомъ и настолько тѣсно политически ассоціировалось съ демократическими, полудемократическими и отчасти даже совсѣмъ недемократическими слоями непролетарскихъ классовъ, что фактически являлись выразителями и представителями интересовъ именно буржуазіи, играли роль ея идейнаго и политическаго авангарда. У насъ политическій индиферентизмъ эксплуататорскихъ классовъ и политическая пассивность „общества" отдаляли отъ нихъ наиболѣе революціонные элементы интеллигенціи, обрекали эти послѣдніе на изолированность и общественное безсиліе и поддерживали въ нихъ стремленіе не только бороться за „народъ", но и вовлечь его самого въ эту борьбу. Но на Западѣ народныя массы очутились вначалѣ на революціонной аренѣ, какъ стихійная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внѣшними импульсами, исходившими — въ особенности во Франціи и Англіи — преимущественно изъ внутреннихъ междуусобій на верхнихъ этажахъ соціальнаго зданія... Въ Россіи недоставало элементовъ и силъ для того, чтобы вовлекать народныя массы стихійнымъ путемъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Для того, чтобы пробудить ихъ изъ историческаго сна и вынести на общественно-политическую арену, необходимо было начать систематически развивать въ нихъ революціонное настроеніе и революціонную активность, и прежде всего, сознательное отношеніе къ своему тяжелому положенію и къ его причинамъ.

Эту историческую задачу пыталось, по своему, рѣ-

шать народничество семидесятыхъ годовъ. Но оно неспособно было рѣшить ее и не рѣшило, потому что не могло понять и оцѣнить историческое значенiе новаго еще тогда въ Россiи класса промышленныхъ рабочихъ. Только марксизмъ могъ дать ключъ и указать пути и средства къ рѣшенiю основного, общедемократическаго вопроса революцiоннаго движенiя въ Россiи. Въ этомъ, замѣчу мимоходомъ, коренится главный источникъ силы нашей партiи, причина ея рѣшительнаго торжества надъ другими революцiонными фракцiями, прочности этого торжества несмотря на ея собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизiонизма и другихъ фальсификацiй марксизма освободить ее отъ влiянiя „ортодоксiи". Марксисты аппелировали и должны, обязаны были аппелировать къ революцiонному идеализму и народолюбiю той же интеллигенцiи, къ которой обращались народники-революцiонеры; они обязаны были выяснить ей историческую миссiю рабочаго класса, указывать ей необходимость — въ интересахъ воодушевлявшихъ ее идеаловъ — отдать всѣ свои силы дѣлу политическаго пробужденiя, развитiя и объединенiя этого класса подъ знаменемъ ученiй научнаго соцiализма.

Для всякаго, кто твердо помнитъ и ясно понимаетъ, что общественное содержанiе соцiально-политическихъ движенiй опредѣляется не столько теорiями, подъ флагомъ которыхъ они развиваются, сколько историческими условiями, вызывающими ихъ къ жизни, и въ частности, соцiальнымъ характеромъ ихъ представителей, должно быть ясно, какъ божiй день, что наше движенiе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденцiи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитiемъ. Принципiально, пролетарская цѣль движенiя — та же, что и у западной соцiальдемократiи. Но окольный путь, предоставленный намъ исторiей, непосредственно не велъ къ этой цѣли, а скорѣе, въ противоположную сторону. На Западѣ соцiальдемократiя составляетъ и съ самаго начала составляла ничто иное, какъ часть самого пролетарiата, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Онъ въ одно и то же время — субъектъ и объектъ своего соб-

ственнаго классового воспитанія и объединенія. Планомѣрное воздѣйствіе западной соціальдемократіи на рабочія массы, это — воздѣйствіе ихъ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе принципіально-сознательныхъ и организованныхъ слоевъ на еще сравнительно отсталые слои тѣхъ же рабочихъ массъ. Развитіе классового самосознанія и самодѣятельности пролетаріата является, поэтому, на Западѣ процессомъ саморазвитія, самовоспитанія рабочаго класса. У насъ же планомѣрное воздѣйствіе соціальдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ извнѣ, со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента, воспитаніе ихъ ею равносильно было подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи. Процессъ же соціальдемократическаго саморазвитія и самовоспитанія, объединеніе и развитіе революціонной самодѣятельности концентрировались, главнымъ образомъ, (я говорю не объ индивидуумахъ, а о массѣ) въ этой самой интеллигенціи, миссія которой состояла въ подготовленіи россійскаго пролетаріата къ самостоятельной политической роли (въ соціальдемократическомъ смыслѣ). Успѣхи нашего движенія должны были, втеченіе извѣстнаго періода, въ дѣйствительности, сводиться, если не цѣликомъ, то преимущественно, къ расширенію круга адептовъ научнаго соціализма среди интеллигенціи, къ углубленію соціалистическаго сознанія этихъ адептовъ, къ прогрессивному увеличенію притока изъ ихъ среды соціальдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ усовершенствованію организацій этихъ послѣднихъ, къ накопленію ими революціоннаго опыта и увеличенію размаха ихъ дѣятельности и, наконецъ, — самое важное — къ вовлеченіе все болѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ сферу вліянія этой организаціи. Вообразимъ теперь на минуту, что движеніе наше во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигло идеальныхъ результатовъ. Всѣ радикальные элементы интеллигенціи стали подъ знамя соціальдемократіи, группируются вокругъ ея центральной организаціи, поддерживаютъ послѣднюю всячески и доставляютъ ей непрерывно увеличивающійся контингентъ профессіональныхъ революціонеровъ, которые одни только и могутъ входить въ составъ этой организаціи. Это, съ одной стороны. А съ дру-

[illegible]

гой — рабочія массы, въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ теперь, слѣдуютъ ея указаніямъ и готовы повиноваться ей, какъ того требуетъ цитированный въ предыдущей главѣ уставъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ. Что это означало бы? Какой соціально-политическій смыслъ скрывался бы подъ этимъ гипотетическимъ случаемъ? Товарищи, не опасающіеся называть вещи настоящимъ ихъ именемъ, сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Мы имѣли бы въ данномъ случаѣ революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи. А для довершенія своей злой ироніи, исторія, пожалуй, поставила бы намъ еще во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи не просто соціальдемократа, а самаго что ни на есть „ортодоксальнаго" (по его происхожденію) марксиста[1].

Предположенный нами случай только рѣзко и наглядно вскрываетъ и иллюстрируетъ ту тенденцію россійскаго соціальдемократическаго движенія, которая присуща ему, благодаря относительной отсталости общественныхъ условій, при которыхъ оно возникло и развивалось. Въ то время, какъ субъективное стремленіе соціальдемократовъ вызвать дѣйствительно самостоятельное политическое движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ идейно питалось и поддерживалось теоріей и богатой крупными событіями пролетарской борьбой на Западѣ, другая, объективная, тенденція коренилась въ самой русской дѣйствительности и поддерживалась тѣмъ реальнымъ фактомъ, что эта дѣйствительность давала матеріалъ и средства лишь для такого подъема революціоннаго настроенія и революціонной активности рабочихъ массъ, который обезпечивалъ бы радикальной интеллигенціи возможность, опираясь на нихъ, вступить въ рѣшительный бой съ отживающимъ общественно-политическимъ строемъ. Поэтому, антогонизмъ между субъективной и объективной тенденціей движенія неизбѣжно долженъ былъ выразиться въ антагонизмѣ между теоріей и практи-

[1] Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ. Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя — изъ школы „ортодоксальнаго", революціоннаго марксизма.

кой. Но объ этомъ еще рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же ограничусь только еще парой замѣчаній. Забѣгая впередъ, я скажу, что, выдвинувъ марксизмъ въ роли необходимаго идейнаго вдохновителя и руководителя интеллигенціи въ области выполненія ею общедемократической задачи революціонизированія пролетаріата, исторія тѣмъ самымъ доставила и субъективнымъ стремленіямъ соціальдемократовъ точку опоры на русской почвѣ. Но только теперь, послѣ того, какъ интеллигенція соціальдемократическая довольно далеко подвинулась впередъ въ выполненіи указанной задачи, является объективная возможность дать этимъ стремленіямъ полное принципіальное практическое выраженіе въ повседневной практикѣ партіи. И только когда она вступитъ въ этотъ новый фазисъ своего развитія, ея политическое руководство рабочими массами постепенно станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетаріата. А пока — оно означаетъ, главнымъ образомъ, только то, что въ лицѣ соціальдемократической части интеллигенціи, рабочими руководитъ непролетарскій элементъ. Разумѣется, для Россіи и это представляетъ прогрессивное явленіе первостепенной важности.

ЦѢНА 1 фр. 25